

АРХИТЕКТОР ГЕОМЕТРИИ ВЛАСТИ

Васильева Ирина

18+

Ирина Васильева

Архитектор геометрии власти.

<https://litres.ru/74245339>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире за колючей проволокой действуют законы физики, а не уголовный кодекс.

Эльдар Холод — «Инженер». Человек точных наук, запертый в иррациональном аду российской исправительной колонии ИК-17. Его обвинили в преступлении, которого он не совершал, но зона живет по своим законам: здесь нет невиновных, есть только те, кто еще не попался.

Но власть внутри клетки имеет свою цену. Чтобы защитить своих людей от беспредела «блатных» и произвола начальника колонии Смирнова, Эльдар вынужден стать архитектором новой диктатуры — холодной, математически выверенной и жестокой. Он строит идеальный порядок там, где раньше правил хаос, постепенно осознавая страшную истину: создавая идеальную тюрьму для других, он навсегда замуровал себя внутри.

«Архитектор геометрии власти» — это мрачный интеллектуальный роман о природе контроля, границах свободы и цене абсолютной власти. История о том, как человек, привыкший проектировать здания, в итоге спроектировал собственную клетку...

Содержание

Часть I. Погружение.	4
Глава 1. Этап.	4
Глава 2. Карантин.	16
Глава 3. Распределение в колонию.	29
Глава 4. Раздача личных номеров.	42
Глава 5. Встреча с отрядом.	55
Глава 6. Ночной разговор под одеялом.	67
Глава 7. Визит Профессора.	77
Глава 8. Первый обыск (шмон).	88
Глава 9. Баня.	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Архитектор геометрии власти.

Часть I. Погружение.

Глава 1. Этап.

Запах железа въедается в легкие раньше, чем состав успевает тронуться. Это не запах ржавчины или машинного масла — это специфический дух замкнутого пространства, где сотни людей часами потеют в ожидании неизвестности. Эльдар втиснулся на нижнюю полку «тройника» последним, когда решетчатая дверь с лязгом захлопнулась за спиной конвоя. В узком пенале столыпинского вагона воздух уже был густым, как остывший кисель. Он состоял из смеси дешевого табака, нестиранных носков и того особого человеческого страха, который невозможно смыть.

Эльдар по привычке инженера попытался оценить объем камеры. Примерно два метра в длину, метр сорок в ширину. Девять человек внутри. Математика выживания проста: ноль девярых квадратного метра на человека для перемещения. Остальное пространство занято телами, вещмешками и запахом.

Он сел на самый край жесткой деревянной скамьи, стараясь занимать как можно меньше места. Его колени упирались в острые коленки парня напротив. Тот сидел, широко расставив ноги в тяжелых берцах, и медленно, со смаком чистил апельсин перочинным ножом. Сок брызгал на его спортивные штаны, но парень этого не замечал. Он вообще ничего не замечал, кроме собственного превосходства. Звали его Аркадий. Имя казалось здесь чужеродным, нелепым, словно этикетка от дорогого костюма, пришитая к грязной робе.

— О, новенький нарисовался, — протянул Аркадий, даже не поднимая глаз от ножа. Голос у него был высокий, почти мальчишеский, что совершенно не вязалось с агрессивной посадкой тела. — Куда путь держишь, чертежник?

Эльдар промолчал. Называть статью первому встречному было верхом глупости. Да и слово «чертежник» он пропустил мимо ушей. Главное правило этапа — стать прозрачным. Стать частью вонючей древесины полки.

Справа от Эльдара тяжело дышал мужчина лет пятидесяти. Лицо у него было цвета старой газеты, а кисти рук сплошь покрыты сине-серой тушью. Купола церквей, какие-то надписи вязью, змеи. Старик поймал взгляд Эльдара и едва заметно качнул головой: мол, не лезь. Сам старик отрешенно смотрел в одну точку — на мутное стекло маленького окна под потолком, забранное снаружи толстой арматурной сеткой. За окном мелькали огни сортировочной станции, сливаясь в дрожащую желтую линию.

— Я спросил, куда чалишь? — Аркадий перестал чистить апельсин. Нож щелкнул, складываясь. — Или тебе уши про-чистить надо?

Он резко выбросил руку вперед. Движение было смазан-ным, профессионально-хищным. Тяжелый ботинок Аркадия врезался точно в лодыжку сидящего рядом с ним тщедуш-ного мужичка в очках. Мужичок пискнул, схватился за ногу и сполз на пол, свернувшись калачиком.

— Ты че творишь, животное? — просипел кто-то с верх-ней полки.

— Рот закрыл, терпила, — лениво бросил Аркадий через плечо. Он снова повернулся к Эльдару. — Слышь, инженер. У тебя место козырное. Нижнее. А я вторую неделю наверху раком стою, почки берегу. Давай меняться. По-братски.

Это была классическая разводка. Место на нижней полке ценилось на вес золота — там можно вытянуть ноги, туда поднимается хоть какой-то сквозняк снизу. Отдать его доб-ровольно значило подписать себе приговор слабака до конца срока. Но отказать напрямую означало немедленную драку в тесноте, где преимущество всегда у того, кто первым пойдет на жесткое нарушение правил.

Эльдар посмотрел на свои руки. Пальцы слегка подраги-вали — отходняк после бессонной ночи в СИЗО и ледяного душа в карантине. Он перевел взгляд на Аркадия. Глаза у того были ясные, наглые, абсолютно пустые. Такими глаза-ми смотрят на таракана перед тем, как прихлопнуть его тап-

ком. Внутри у Эльдара всё сжалось в тугой холодный узел. Инженерная логика кричала о невыгодности конфликта: синяки замедляют этапирование, могут отправить в карцер, потеряется связь с адвокатом. Но животный инстинкт, о существовании которого он раньше только читал в книгах, вдруг выпрямился во весь рост.

— Нет, — тихо сказал Эльдар.

В вагоне повисла тишина, нарушаемая лишь стуком колесных пар на стыках рельсов. Даже старик с куполами перестал дышать.

Аркадий улыбнулся. Улыбка сделала его лицо еще более хищным.

— Что «нет»? — переспросил он ласково.

— Мне удобно здесь, — так же ровно ответил Эльдар. Он чувствовал, как по спине течет струйка холодного пота, но голос не дрогнул.

Аркадий театрально вздохнул. Он встал во весь рост. Высота потолка позволяла ему стоять, лишь чуть пригнув голову. Теперь он нависал над всеми.

— Смотри сюда, фраер, — начал он свою коронную речь, которую, видимо, репетировал годами. — Вы все думаете, что тюрьма — это закон. Хрен там плавал. Тюрьма — это воля. Моя воля. Вот ты, — он ткнул пальцем в очкастого мужичка на полу, — ты кто по жизни? Интеллигент? Ученый? Значит, чернила переводил, пока мы тут кровью харкали. А ты, — палец переместился на соседа сверху, заросшего бо-

родой по глаза, — ты глухарь? Молчишь? Значит, есть чего бояться.

Палец остановился на груди Эльдара.

— А ты... Столичный, сразу видно. Курточка приличная была, да менты срезали. Сидишь ровный, дерзкий. Только ровность твоя бумажная. Я таких ровных пачками ломал. Они потом сами мне сапоги лизали, чтобы я их ночью шваброй не отоварил.

Аркадий сделал шаг вперед. Полка прогнулась под его весом. Чтобы удержать равновесие, Эльдару пришлось бы выставить руки, открыв корпус для удара. Это был момент истины. Если сейчас отстраниться, если показать малейший страх — следующие десять лет превратятся в ад. Аркадий будет проверять его каждый день: красть пайку, плевать в кружку, загонять под шконку.

Время странно растянулось. Эльдар видел каждую пору на лице противника, капельку апельсинового сока в щетине, микроскопическую царапину на лезвии ножа, который Аркадий машинально крутил в пальцах.

Эльдар не стал вставать. Он остался сидеть, глядя прямо в глаза Аркадию снизу вверх. Это нарушало геометрию доминирования. Обычно жертва либо вскакивает (признавая игру), либо закрывает голову руками (выбывая из нее). Эльдар просто сидел.

— Че зыришь? — рыкнул Аркадий, теряя уверенность. Пауза затягивалась, становилась опасной для его авторитета.

Вместо ответа Эльдар медленно поднял правую ногу, обутую в тяжелый казенный ботинок, и аккуратно, без замаха, наступил на носок берца Аркадия. Не ударил, не пнул — именно наступил, всем своим весом припечатав стопу противника к металлическому ребру пола.

Звук был тихим, влажным хрустом. Аркадий вздрогнул. На секунду его лицо исказилось болью, но он сдержал крик. Никто не должен видеть слабость главного отрицалы вагона. — Слезь, — процедил Аркадий.

Эльдар сильнее надавил ногой. Он перенес центр тяжести, буквально вжимая ступню Аркадия в пол. Любой нормальный человек в такой ситуации потерял бы равновесие и упал на колени. Но позади Аркадия стояли другие люди, мешая ему отступить, а впереди был Эльдар, блокирующий движение корпуса.

— Сначала попроси, — спокойно сказал Эльдар. — Скажи «пожалуйста». И спроси разрешения присесть обратно. На мою лавку ты больше не сядешь.

Это было хуже удара. Это было публичное унижение. Аркадий понял это мгновенно. Весь вагон смотрел на них. Очкарик на полу замер, боясь вдохнуть. Старик с куполами прикрыл глаза, ожидая взрыва.

Взрыва не последовало. Психика уличного бойца столкнулась с логикой человека, привыкшего рассчитывать нагрузки на перекрытия. Рукопашный бой требует эмоций, ярости, адреналина. То, что делал Эльдар, требовало только точного

приложения силы. Безжалостного, механического давления.

Аркадий побагровел. Вены на шее вздулись. Он занес руку для удара — тяжелого, рубящего сбоку, способного сломать челюсть. Но бил он вслепую, опираясь всего на одну ногу, которая находилась в капкане. Потеря баланса при замахе в движущемся поезде — гарантированное падение.

Эльдар свободной левой рукой перехватил запястье Аркадия. Перехватил мягко, но мертво. Большим пальцем он нащупал болевую точку на сгибе кисти — ту самую, где сухожилия ближе всего подходят к коже. Нажатие туда вызывает паралич пальцев.

Нож выпал из разжавшейся ладони Аркадия. Он звякнул о стальной пол и закатился под нижние нары.

— Пожалуйста, — выдавил сквозь зубы Аркадий. Пот тек по его вискам. — Можно... можно я сяду?

— Нельзя, — отрезал Эльдар. — Ты теперь едешь стоя. До самого Владивостока. Или пока не научишься спрашивать разрешение.

Он убрал ногу. Аркадий пошатнулся, ухватившись рукой за верхнюю полку, чтобы не рухнуть. Лицо его пошло белыми пятнами. Он проиграл. Проиграл не в драке — дракой это никто бы не назвал — он проиграл в шахматы, которые сам пытался превратить в бокс.

Кто-то наверху сдавленно хихикнул. Смех этот резанул слух громче паровозного гудка. Авторитет Аркадия, выстраиваемый годами улиц и предыдущих ходок, рассыпался в

пыль за тридцать секунд.

Старик с куполами открыл один глаз. Затем второй. Он внимательно посмотрел на Эльдара, потом на красного, пытающегося восстановить дыхание Аркадия. Губы старика тронула едва заметная усмешка. Он подтянул к себе чей-то брошенный рюкзак, достал оттуда кусок газетной бумаги и начал медленно, со знанием дела, распотрошивать сухую сигарету, ловко отделяя табак от суррогата.

— Садись, болезный, — неожиданно громко и добродушно пробасил старик, обращаясь к Эльдару и хлопая ладонью по освободившемуся месту рядом с собой. — Нечего на проходе маячить. Спину застудишь.

Это был знак. Старый арестант признал нового смотрящего за порядком в этой конкретной клетке. Вагон выдохнул. Напряжение, державшее всех железной хваткой, лопнуло. Люди вернулись к своим делам: зашуршали пакетами с едой, начали негромкие разговоры.

Аркадий подобрал свой нож. Он не посмел посмотреть на Эльдара. Он кое-как, цепляясь за прутья, влез на свою вторую полку — жесткую, короткую, где нельзя было ни лечь толком, ни сесть. Там он и затих, превратившись в невидимую угрозу. Такие поражения не прощаются. Они откладываются в памяти, копят проценты и возвращаются в самый неподходящий момент с процентами в виде заточки в печень.

Поезд набрал ход. Металлический лязг перешел в моно-

тонный гул. Колеса отбивали ритм: *ту-дух, ту-дух*. Ритм дороги в никуда.

Эльдар наконец позволил себе расслабиться. Он почувствовал, как мышцы плеч, сведенные судорогой напряжения, начинают мелко вибрировать. Во рту стоял привкус желчи. Он выиграл первый раунд, используя холодную ярость архитектора, которому мешает кривая балка. Но он понимал правила этой игры лучше, чем хотел признаться самому себе. В тюрьме нет инженеров. Здесь работают только законы физики падения камня на голову. Он нажал на спусковой крючок механизма, который теперь не сможет остановить.

Старый вор закончил сворачивать самокрутку. Обслюнявив край, он склеил ее и похлопал себя по карманам в поисках огня. Эльдар молча достал из внутреннего кармана куртки дешевую зажигалку — единственное, что разрешили оставить. Щелкнуло колесико. Маленький желтый огонек осветил татуированные пальцы.

— Держи, отец, — сказал Эльдар.

— Благодарствую, — кивнул старик, глубоко затягиваясь. Выпустив дым кольцами в потолок, он прищурился. — Как зовут-то, архитектор?

— Эльдар.

— Татарин, что ли?

— Скорее скандинав. Огненный воин, если верить книжкам.

Старик хмыкнул, отчего его многочисленные морщины

пришли в движение.

— Огонь, значит... — протянул он, разглядывая профиль Эльдара. — Посмотрим, долго ли гореть будешь, прежде чем пеплом станешь. Меня Михалычем зови. Василий Михалыч. Для своих — Профессор. Потому что жизнь меня, дурака, ничему не учит, всё теоремы доказываю.

Михалыч протянул окурок Эльдару. Это была вторая проверка. Дележка табачка на этапе — священнодействие. Взять — значит принять предложенную дистанцию общения. Отказаться — смертельная обида.

Эльдар принял самокрутку двумя пальцами, как хирург берет скальпель. Затянулся. Горло обожгло крепчайшим самосадам. Он вернул окурок владельцу.

— Хороший табак, — честно сказал Эльдар. — Сухой.

— Из посылки прошлой недели берег, — признался Профессор. — Думал, помру до этапа. Ан нет, везут. Видать, государству я еще задолжал кой-чего.

Они замолчали. Разговор иссяк, уступив место тяжелому ритму поезда. Остальные пассажиры тоже притихли. Мерное покачивание вагона действовало как наркоз. Кто-то уже похрапывал, свесив голову на грудь. Очкарик в углу тихо плакал, размазывая слезы по впалым щекам. Аркадия наверху не было слышно вовсе — он превратился в призрака, в отложенную месть.

Эльдар прислонился затылком к холодной стенке вагона. Сквозь щели в деревянном щите ощутимо дуло. Он закрыл

глаза, пытаясь собрать мысли в кучу.

До этого дня его жизнь подчинялась графикам сдачи объектов, СНиПам и проектной документации. Мир был предсказуем. Два плюс два всегда равнялось четырем. Если залить качественный бетон нужной марки, фундамент выдержит нагрузку.

Здесь фундаментом служил человеческий страх. Нагрузкой — чужая жестокость. И расчеты здесь велись совсем по другим формулам. Формуле боли, формуле власти, формуле выживания любой ценой.

Он думал о жене. Последнее письмо от нее пришло месяц назад, еще до суда. Короткое, сухое: «Прости. Подала на развод. Береги себя». Тогда эти слова показались предательством. Сейчас, сидя среди храпящих уголовников, вдыхая миазмы чужой беды, он впервые подумал, что она поступила единственно верно. Она выдернула вилку из розетки, чтобы короткое замыкание его новой жизни не сожгло всю их квартиру. Пусть живет. Светлая ей дорога.

А его дорога лежала дальше, на восток. За окном окончательно стемнело. Желтые фонари станций сменились черной пустотой сибирской тайги. Где-то там, за тысячи километров, начиналась зона. Настоящая, долгая, пахнувшая хлоркой и безнадежностью.

«Столыпин» нес их сквозь ночь, равнодушно отсчитывая стыки рельсов. Каждая шпала приближала Эльдара к точке невозврата. Он снял куртку, сложил ее вдвое и подложил под

голову. Деревянная полка жестко давила на лопатки, но это была честная боль. Боль опоры.

Сон пришел незаметно, сотканный из усталости и запаха Апельсина, которым пахло дыхание спящего внизу Профессора. Эльдару снились чертежи бесконечных тюремных коридоров, где стены сходились под неправильными углами, грозя раздавить любого, кто ошибется в расчетах.

Глава 2. Карантин.

Железо «Столыпина» отпустило Эльдара только тогда, когда лязгнули внешние ворота следственного изолятора. Звук этот не был похож на скрежет вагонных сцепок — он был глухим, бетонным, окончательным. Если поезд еще куда-то вез, то эти ворота просто пережевывали людей и выплевывали их в серый полумрак внутреннего двора.

Этап выгружали быстро, без церемоний. Короткие команды, хлесткие удары овчарок по лапам, слепящий свет прожекторов, бьющий прямо в глаза из-под козырька КПП. Ночной воздух показался ледяным после спертой духоты вагона. Августовская ночь пахла мокрым асфальтом, пылью и тем специфическим запахом казенной столовой, который окружает любую тюрьму за полкилометра до ее стен.

— Бегом! Головы вниз! Не смотреть! — орал прапорщик с красной от натуги шеей, размахивая резиновой палкой.

Эльдар втянул голову в плечи, как учили бывалые сидельцы, и побежал вместе со всеми к приземистому кирпичному зданию сборного отделения. Под ногами чавкала грязь, перемешанная с гравием. Он старался дышать ровно, но сердце колотилось где-то в горле. Инженерный мозг лихорадочно сканировал пространство: высота забора, количество рядов колючей проволоки (три ряда «егозы» поверх обычной «путанки»), расстояние между вышками. Расчеты давали одно-

значный результат: периметр чист. Побег невозможен. Эта мысль должна была принести облегчение, но вместо этого вызвала приступ тошноты.

Внутри сборного отделения («собора») было шумно и тесно. Огромная гулкая комната с кафельным полом, залитым чем-то бурым. Запах хлорки здесь не перебивал вонь сотен немытых тел — он лишь наслаивался сверху, создавая удушливую химическую взвесь.

Людей согнали в центр, выстроив вдоль стены. Команда «Лицом к стене!» ударила по ушам. Все уперлись лбами в облупленную зеленую краску.

Началось ожидание. В тюрьме время течет иначе — оно густеет, превращаясь в вязкую смолу. Минуты растягиваются в часы. Эльдар стоял, чувствуя лопатками взгляды конвоя через затылок. Он слышал шарканье ног, чей-то надсадный кашель, звон ключей.

Наконец тяжелая дверь подсобки распахнулась. Вышли двое. Старший прапорщик — огромный детина с плоским лицом боксера-неудачника и сержант — юркий, подвижный парень с бегающими глазками.

— Раздеваться догола! — рывкнул старший. — Пальцами одной руки берете шмотку, вешаете вон туда. Очки снять, шнурки вынуть, ремни сдать. Всё на лавку. Живо!

Это называлось «растелешиться». Момент абсолютной уязвимости. Снятие последнего барьера между человеком и системой.

Толпа завозилась. Кто-то начал медленно расстегивать пуговицы, кто-то пытался спорить.

— Гражданин начальник, а простыть? Тут сквозняк...

Договорить он не успел. Резиновая палка со свистом опустилась ему на плечо. Хруст ткани, короткий вскрик.

— Сказано догола, мразь! — Старший прапорщик подошел вплотную. От него разило дешевым табаком и несвежим дыханием. — Ты че, особенный? Думаешь, я твоих поганных трусов не видел?

Эльдар начал раздеваться методично. Это помогало сохранять рассудок. Сначала куртка. Сложить аккуратно, хотя смысла в этом уже нет. Затем ботинки. Узел на правом шнурке затянулся намертво. Пальцы, замерзшие в вагоне, плохо слушались.

— Шевели поршнями, инженер! — сержант заметил заминку. Он подошел сзади, дыша перегаром. — Или помочь рукавами связать?

Эльдар дернул узел зубами. Шнурок лопнул. Ботинок упал на грязный кафель с тяжелым стуком. Этот звук эхом отразился от высокого потолка. Эльдар замер. Ему показалось, что сейчас его начнут бить именно за этот стук. Но конвой смотрел на другого — мужика, который никак не мог стянуть узкие джинсы, запутавшись в них босыми ногами.

Оставшись в одних трусах, Эльдар почувствовал первый настоящий удар холода. Бетонные стены вытягивали тепло из тела. Кожа мгновенно покрылась мурашками. Он снял оч-

ки. Мир тут же потерял резкость, превратившись в размытое пятно лиц и теней. Без оптики он чувствовал себя голым вдвойне — теперь обнаженным было не только тело, но и зрение.

— На стол! — скомандовал старший прапорщик, указывая на длинный металлический верстак, застеленный серой клеенкой.

Один за другим арестанты подходили к столу. Процедура личного досмотра (*шмона*) напоминала конвейер скотобойни.

Старший работал руками профессионально, равнодушно. Его пальцы-сосиски ныряли в рты, проверяя пространство под языком и за щеками — там часто прячут «мойки» (лезвия) или сим-карты. Он заставлял приседать, чтобы ничего не было спрятано в прямой кишке. Каждое движение сопровождалось уничижительными комментариями:

— Так, зубы оскалил... шире, говорю! Че ты мне цедишь, интеллигент? Небось, баб чужих лапал, пока жена ждала? А ну открой хлебало!

Сержант занимался вещами. Содержимое сумок вываливалось прямо на пол. Зубные щетки ломались пополам — алюминиевые ручки считались потенциальным оружием. Тюбики зубной пасты протыкались шилом. Фотографии жен и детей летели в общую кучу мусора.

— Это что? — сержант поднял книгу в твердом переплете, принадлежащую мужчине впереди Эльдара.

— Достоевский... — пролепетал тот.

— Умный, сука? — сержант брезгливо бросил книгу на пол и наступил на нее тяжелым сапогом, смачно хрустнув переплетом. — Читать будешь, когда выйдешь. А тут закон — тайга.

Подошла очередь Эльдара. Он шагнул к столу, стараясь ступать твердо. Босые ноги прилипали к влажному бетону.

— Руки на стену, ноги расставить, — буркнул старший, даже не глядя на него.

Он начал с волос. Запустил пятерню в коротко стриженные волосы Эльдара, больно царапая кожу головы ногтями. Проверил уши. Резко повернул лицо вправо, затем влево, осматривая профиль.

— Открой рот. Язык высуну. На левую щеку. Теперь на правую. Верхнюю губу подними.

Пальцы во рту были сухими и горячими. Они касались десен грубо, вызывая рвотный рефлекс. Эльдар подавил спазм, закашлявшись.

— Глубже дыши, герой, — ухмыльнулся прапорщик. — Не отравишься. Хотя тебе бы не помешало.

Затем начался осмотр тела. Ладони прошлись по ребрам, жестко ощупали подмышки, спустились к пояснице. Когда пальцы коснулись ягодиц, требуя их раздвинуть, Эльдар почувствовал, как волна жара стыда поднимается от живота к лицу. Это было хуже удара. Удар можно перетерпеть, боль проходит. А это медленное, методичное растаптывание че-

ловеческого достоинства оставляло клеймо на душе.

— Чистый, — констатировал прапорщик, отворачиваясь.
— Повезло тебе. Следующий!

Эльдар отошел к скамье, где грудой лежала одежда. Его собственные вещи больше не существовали. Дорогие кожаные туфли, кашемировое пальто, швейцарские часы — всё осталось в камере хранения вещдоков или перекочевало в карманы конвоя. Перед ним на лавке валялся стандартный тюремный набор: стоптанные кирзовые ботинки без шнурков, штаны из плотной хлопчатобумажной ткани неопределенного сине-серого цвета и такая же куртка-бушлат. Белья не полагалось.

Обувь оказалась на три размера больше. Тяжелая, дубовая кожа давила на подъем. Стоять в ней было тяжело, ходить — мучительно. Штаны висели мешком. Куртка пахла сыростью, дезинфекцией и чужими жизнями. Десятки людей потели в этой робе до него, болели в ней, плакали и сходили с ума. Надевая ее, Эльдар буквально влезал в чужую судьбу.

Когда он закончил одеваться, сержант швырнул ему полосатый мешок.

— Матрасовку набивай.

В углу комнаты возвышалась гора чего-то желтовато-серого. Приглядевшись сквозь плывущее зрение, Эльдар понял — это куски старого ватина, свалявшегося до состояния бетона. Гнилая вата, изъеденная временем и насекомыми.

Нужно было подойти, взять охапку и утрамбовать её в по-

лосатый чехол размером примерно метр на шестьдесят сантиметров.

Эльдар запустил руки в гору тряпья. Пальцы утонули в пыли. Из ваты полетела какая-то белая труха. Он зачерпнул сколько смог удержать. Ватин оказался невероятно тяжелым и колючим. Пока он тащил его к матрасовке, несколько сухих травинок и комьев грязи высыпались на чистый пол.

— Куда прешь, свинота?! — взвизгнул сержант. — Со всем страх потерял?

Он подскочил к Эльдару и ударил его кулаком в солнечное сплетение. Не сильно, но точно. Воздух выбило из легких. Эльдар сложился пополам, хватая ртом пустоту.

— Подними! — орал сержант. — Собери каждую нитку своими зубами, если надо! Пол должен блестеть!

Эльдар выпрямился. В глазах потемнело. Он посмотрел на сержанта. Тот ждал реакции — слез, агрессии, страха. Любой эмоции, которую можно использовать как повод для продолжения экзекуции.

Эльдар молча наклонился. Спина отозвалась тупой болью. Он подобрал пальцами каждый клочок ваты, каждый кусок грязи. Медленно, демонстративно медленно, он положил их в свой матрас. Затем так же медленно завязал горловину мешка суровой веревкой, которая больно врезалась в пальцы.

— Вот и молодец, — неожиданно спокойно сказал старший прапорщик, наблюдавший за сценой. — Учись сразу.

Здесь инициатива е*ёт инициатора. Понял, архитектор?

— Так точно, — хрипло ответил Эльдар, не поднимая глаз.

После обыска началось распределение. Их снова построили в колонну по одному. Только теперь они все выглядели одинаково: сутулые фигуры в мешковатых робах, прижимающие к груди свои полосатые матрасы и жестяные кружки, привязанные бечевкой к поясу. Цивилизация закончилась. Началась зона.

Их повели длинными коридорами. Звонящая тишина СИ-ЗО оглушала после шума этапа. Стены здесь были выкрашены в ядовито-зеленый цвет до середины, а выше — побелены. Краска пузырилась от сырости. Под потолком гудели люминесцентные лампы, издавая низкочастотный звук, действующий на нервы как бормашина.

Контакт с надзирателями перешел из фазы грубого избиения в фазу психологического давления. Конвой шел позади, щелкая предохранителями автоматов для вида. Время от времени раздавалась команда:

— Кру-гом! Лицом к стене!

Все замирали, упираясь взглядом в облупившуюся штукатурку, пока мимо проводили кого-то из местных обитателей — баландера с баками еды или осужденного-повара.

Эльдар впервые увидел *баландеров*. Они шли вразвалочку, одетые в чистую, хоть и мятую форму. На их лицах играла снисходительная усмешка. Эти люди уже прошли каран-

тин. Они получили работу, статус и право смотреть свысока на «стремящихся» (новоприбывших). Один из баландеров задел плечом крайнего в колонне. Тот инстинктивно отшатнулся.

— Куда прешь, чернота? — лениво бросил баландер конвоиру.

Конвой заржал. Смех охраны звучал страшнее любых угроз. Это был смех хозяев положения, которым позволено всё.

Наконец их остановили перед металлической дверью с маленьким квадратным окошком — «кормушкой».

— Карантинное отделение! — крикнул старший прапорщик. — Принимай свежатину!

Окошко открылось. Показалось сонное лицо дежурного инспектора карантина — капитана с отечными глазами.

— Сколько душ?

— Девятнадцать. Два отказника, один сердечник.

— Заводите.

Замок щелкнул электронным сигналом. Звук этот — сухой, электронный «дзинь» — навсегда отпечатался в памяти Эльдара как звук закрывающейся крышки гроба.

Тяжелая железная дверь открылась. За ней начинался другой мир.

Карантинный блок представлял собой длинное помещение, разделенное на секции решетками. Внутри стояло около двухъярусных коек, сваренных из металлических уголков.

Ни простыней, ни подушек. Только голые панцирные сетки.

Но главным был запах. Запах карантира невозможно спутать ни с чем. Это концентрированный аромат отчаяния: кислый запах нестираных портянок, сладкий запах дешевой сгущенки, которой здесь пытаются лечить любые болезни, и тяжелый, мускусный запах мужского пота, замешанного на хроническом стрессе.

Как только внешняя дверь закрылась, отрезав путь назад, внутренняя решетка отъехала в сторону. Навстречу вышел местный актив — дневальный карантина. Крепкий парень с золотой фиксой спереди. На рукаве у него красовалась красная повязка.

— Здорово, народ, — сказал он голосом радушного хозяина. — Меня зовут Витя-Свист. Я тут порядок держу. Капитан велел вас разместить, чтоб вы друг друга не передавили. Правила простые: днем койки заправлены, сидеть на сетках нельзя. Ходить строем. Вопросы есть?

Вопросов не было. Страх парализовал горло.

— Тогда разгружаемся, — Свист махнул рукой. — Первая смена — верхние шконки. Вторая — нижние. Матрасы кидайте вон туда, к батарее, пусть проветрятся, а то сдохнете от чесотки.

Эльдару досталась верхняя койка в самом конце прохода, возле окна, забранного снаружи толстыми жалюзи-«ресничками». Свет сюда почти не проникал. Чтобы добраться до своего места, нужно было пройти через весь барак, пересту-

пая через узлы с вещами и сидящих на корточках людей.

Он шел, стараясь не задевать никого. Пространство было слишком тесным для его роста. Металлические края двухъярусных кроватей торчали острыми углами. Каждый шаг отдавался гулким эхом в пустой голове.

Забраться на второй ярус оказалось проблемой. Ноги в огромных ботинках скользили по холодному металлу лестницы. Локти бились о стойки кровати. Наконец он перевалялся через край сетки. Она прогнулась под его весом, едва не сбросив матрас, который он судорожно прижимал к себе.

Эльдар лег на живот, обхватив руками жесткий валик ватина, и посмотрел вниз.

Барак жил своей жизнью. Кто-то уже делил полученные пайки хлеба. Кто-то тихо матерился, пытаясь приспособить кривой матрас к бугристой сетке. Аркадий сидел внизу, прямо под Эльдаром. Он точил какой-то подобранный гвоздь о бетонный столб, поддерживающий нары. Делал он это ритмично, монотонно. *Скр-р-рит... скр-р-рит...*

Звук впивался в мозг, сводя с ума. Это была попытка звуком. Демонстрация того, что Аркадия не сломала утренняя неудача в вагоне. Он восстанавливал контроль единственным доступным ему способом — разрушением.

Эльдар закрыл глаза. Тело требовало сна, отключки, забытья. Но мозг продолжал работать. Он анализировал геометрию камеры. Длина двенадцать метров, ширина пять. Двадцать человек. Объем воздуха — тридцать кубометров. По

санитарным нормам положено минимум шесть кубов на человека. Здесь норма была превышена вдвое по плотности тел и занижена вдвое по качеству вентиляции. Углекислого газа хватит для формирования стойких галлюцинаций через трое суток.

— Эй, наверху! — голос Свиста вырвал его из расчетов. — Отбой был десять минут назад! Голову с подушки убрать! Кто башку держит — тому она мешает спать!

Эльдар послушно убрал голову с тонкого матрасика, положив щеку на холодный металл верхней трубы каркаса кровати. Железо начало немедленно вытягивать тепло. Через минуту зуб на зуб не попадал.

Где-то далеко, в другом корпусе, пробили склянки. Низкий, вибрирующий гонг поплыл под высокими потолками тюрьмы.

Эльдар лежал на втором ярусе карантина, глядя на тусклую лампочку в толстом металлическом наморднике. Сквозь ресницы жалюзи виднелась узкая полоска ночного неба. Черная, без звезд.

Он перестал быть гражданином. Перестал быть инженером. Перестал быть мужем. Теперь он был номером личного дела, напечатанным чернилами на картонной бирке, пришитой к груди. Бирка кололась.

Сон пришел внезапно, обрушившись черной волной. Последней осознанной мыслью Эльдара перед провалом в беспамятство было воспоминание из детства: отец учит его дер-

жать карандаш. «Нажим должен быть уверенным, сынок, — говорил отец. — Линия любит силу. Но не ломай грифель. Почувствуй сопротивление бумаги».

Сейчас сопротивления не было. Была только бесконечная, всепоглощающая мягкость гнилого ватина, принимающего в себя любой брошенный камень.

Глава 3. Распределение в колонию.

Сон в карантине был не отдыхом, а коротким провалом в серую пустоту, заполненную лязгом железа и чужими стонами. Эльдара разбудили за час до рассвета ударом тяжелого ботинка по сетке нижней койки.

— Подъем, чернота! На выход с вещами!

Слово «вещи» применительно к полосатому матраснику, жестяной кружке и алюминиевой ложке звучало как злая насмешка. За две недели карантина ватин сваялся еще сильнее, превратившись в тяжелое, влажное бревно.

Их снова построили во дворе СИЗО. Утренний туман цеплялся за колючую проволоку локалки, превращая пейзаж в сюрреалистическую гравюру. Выдали сухой паек на дорогу: три брикета галет, прилипших друг к другу намертво, и банку жирной перловой каши («сечку»), которая уже успела остыть и покрыться сизой пленкой жира.

На этот раз погрузка была другой. Не тесный спецвагон для скота, а обычный ПАЗик с решетками на окнах — автозак для дальних дистанций. Внутри пахло бензином, мокрой резиной и страхом тех, кто проехал этим маршрутом до них. Конвой здесь был другим — молчаливым, уставшим. Им предстояло ехать почти сутки через несколько областей.

Дорога стерла ощущение времени. Монотонный гул мотора убаюкивал, но сесть было нельзя — набились так плот-

но, что колени стали общей собственностью всей секции. За пыльным стеклом мелькали пейзажи средней полосы России: желтеющие поля, покосившиеся деревянные избы, бесконечные линии электропередач. С каждым километром цивилизация истончалась. Асфальт сменился разбитым щебнем, деревни исчезли, уступив место глухому лесу. Тайга подступала к самой обочине, глядя на автобус темными провалами ельников.

Эльдар смотрел на эту зелень и пытался применить свои профессиональные навыки. Он искал масштаб. Оценивал высоту деревьев, плотность насаждений, тип почвы. Расчеты давали однозначный результат: если выпрыгнуть здесь на ходу, шансы выжить минимальны, а шансы уйти незамеченным равны нулю. Вокруг на сотни километров нет ни одной человеческой души, кроме таких же узников.

К вечеру второго дня лес расступился. Автобус резко затормозил, клонув носом. Раздался скрежет тяжелых металлических ворот.

ИК-17 встретила их тишиной. Это была не мертвая тишина заброшенного здания, а плотная, звенящая тишина работающего механизма. Механизма по переработке людей в рабочую силу.

Дверь автозака открылась. Ударивший в лицо воздух был холодным, влажным и имел специфический химический привкус. Запах тюрьмы невозможно спутать ни с чем. Это смесь запахов хлорной извести, которой десятилетиями мы-

ли бетон, жженого угля из котельной, прелых портянок и густого, сладковатого аромата вареной капусты с тушенкой. Баланда. Главный парфюм зоны.

— На выход! Бегом! Лицом к стене! — команды дублировались эхом от высоких бетонных блоков.

Первое, что увидел Эльдар, когда его заставили повернуться после обыска личных сумок (еще одного, формального), была стена.

Архитектура несвободы начиналась с КПП. Это был массивный куб из серого железобетона, лишенный всякого декора. Ни окон, ни карнизов — только плоскость, прорезанная узкой амбразурой для автоматчика. Здание выглядело так, словно его целиком отлили из пульпы страданий. Никакого кирпича, никакого дерева — только литье, арматура и серый цвет. Цвет безнадежности.

От КПП вглубь территории уходила широкая аллея, мощенная бетонными плитами. Идеально ровные стыки, идеальная геометрия. Кто-то очень педантичный следил за тем, чтобы плиты никогда не выступали друг над другом больше чем на сантиметр. Эта математическая точность пугала больше, чем хаос. Хаос оставляет надежду на ошибку системы. Порядок абсолютен.

По обе стороны аллеи тянулись ряды одноэтажных барачков. Длинные, приземистые строения с двускатными крышами, покрытыми рубероидом. Стены были выкрашены в грязно-желтый цвет, который облупился снизу доверху, обнажая

дранку и гнилые доски. Окна были маленькими, забранными частыми металлическими решетками изнутри и ставнями-"ресничками" снаружи. Свет мог проникать внутрь только тонкой пунктирной линией. Архитекторы колонии специально проектировали эти здания так, чтобы внутри всегда царил полумрак — лучшая среда для подавления воли.

Эльдар шел по центральной аллее, прижимая к груди свой матрасник. Он чувствовал себя муравьем внутри чертежа гигантского компьютера. Все линии сходились в одну точку — к центру управления. Там возвышалось единственное трехэтажное здание — штаб администрации. Оно тоже было бетонным, но покрашенным в тошнотворный голубой цвет. Голубой цвет надежды, издевательски наложенный на фундамент рабства.

Но главным элементом ландшафта были вышки.

Они стояли по периметру через каждые пятьдесят метров. Массивные сварные конструкции, похожие на виселицы футуристов. Железные лестницы вели вверх, к застекленным коробкам караульных помещений. Из этих коробок торчали стволы пулеметов.

Эльдар задрал голову. Угол наклона шеи подсказывал ему: высота вышки около восьми метров. Дистанция прямого выстрела простреливает всю зону насквозь. Любая попытка пересечь плац ночью будет пресечена за секунды. Математика периметра исключала случайность. Только холодный расчет и смерть.

— Чего ворон считаешь? Шевелись! — конвоир толкнул его в спину.

Их привели к дверям административного корпуса. Здесь пахло иначе: мастикой для полов, старым деревом и бумажной пылью. Бюрократия имела свой аромат.

Внутри их выстроили вдоль коридора перед дверью кабинета спецчасти. Начался процесс "приемки". Офицер с погонами капитана сидел за столом, заваленным папками с личными делами. Лица его видно не было — только настольная лампа, бросающая желтый круг света на графу «Особые приметы».

— Имя?

— Эльдар.

— Полностью!

— Эльдар Тимурович...

Капитан медленно перелистывал страницы. Бумага шуршала громче, чем разговор.

— Инженер-строитель... Срок двенадцать лет... Статья сто одиннадцатая, часть четвертая... Тяжкие телесные, повлекшие смерть. По неосторожности, значит? Ну-ну. Посмотрим, какая ты неосторожность в седьмом отряде будешь.

Он поставил жирный штамп «ПРИНЯТ» на обложку дела и вызвал дневального.

— В седьмой отряд. К Хозяину на глаза сразу. И смотри мне, чтоб без лишней пыли там. Он инженеров любит ло-

мать.

Седьмой отряд оказался в третьем бараке от штаба. Когда Эльдара втокнули в локальный участок (дворик перед баракom, огороженный отдельным забором), он впервые почувствовал настоящий удар отчаяния.

Запах здесь концентрировался. К вони баланды добавился запах хлорки, человеческого пота и сырой одежды, которая никогда не сохнет полностью.

Навстречу вышел *завхоз*. Огромный мужчина с абсолютно лысой головой и руками размером с совковые лопаты. На нем не было тюремной робы — только чистая тельняшка без рукавов, заправленная в глаженные штаны. Это был местный царь, назначенный администрацией следить за порядком среди осужденных.

— А это что за павлин? — пророкотал завхоз, осматривая Эльдара с ног до головы. Его взгляд остановился на руках. — Руки холеные. Мозолей нет. Ты кем на воле был, чудо?

— Строителем, — ответил Эльдар, стараясь смотреть чуть выше лба завхоза — в точку между глаз. Правило контакта.

— Стро-и-те-лем, — по слогам повторил завхоз, смакуя слово. — А я вот цемент ногами месил, пока ты проекты рисовал. Значит так, архитектор. Сейчас я тебе экскурсию проведу. Запоминай, повторять не буду. Видишь вон ту дверь?

Он указал на обитую жестью дверь в конце локального участка. Над ней горела красная лампочка.

— Это ПВР. Помещение воспитательной работы. Там телевизор иногда включают. Если заслужишь.

Потом он махнул рукой в сторону длинного низкого здания, прилепленного к основному барaku.

— Это столовая. Пайка три раза в день. Жрать быстро, добавки просить запаadlo, но если останется — бери. Тарелки мыть до блеска. Увижу грязь — будешь языком вылизывать.

Завхоз подошел вплотную. От него пахло дешевым одеколоном и властью.

— Теперь главное. Вот эта лужа посередине двора, — он ткнул сапогом в огромную выбоину в асфальте, наполненную мутной водой. — Называется «Балатон». В ней наши деды белье полоскали. Тебе, как инженеру, задача номер один: сделать так, чтобы завтра ее тут не было. Гравий сам найдешь, лопату дам. Сделаешь — жить будешь. Уклонишься — пойдешь на биржу работать в цех, шифер таскать. Через неделю позвоночник выплется. Понял задачу?

— Так точно, — голос Эльдара прозвучал хрипло. Горло пересохло от страха и запаха хлорки.

— Свободен, — завхоз потерял к нему интерес. — Дневальный, определите человека. Шконку ему верхнюю дайте, возле параша. Пусть нюхает прогресс.

Эльдара отвели в жилую секцию. Барак встретил его тяжелым дыханием спящих людей. Был тихий час. Воздух стоял плотной стеной. Смесь табачного дыма, испарений от сохнувших портянок и того самого кислого духа щей въедалась

в легкие.

Его подвели ко второму ярусу в самом углу. Нижнюю полку занимал старик, похожий на мумию — тот самый Профессор, Василий Михалыч, с которым они ехали в одном вагоне. Старик открыл один глаз, узнал Эльдара и едва заметно кивнул. Этот кивок был единственным островком безопасности в этом океане бетона.

Верхняя полка оказалась прямо под закопченным потолком. Чтобы туда залезть, нужно было согнуться в три погибели. Эльдар бросил матрас на голые металлические полосы. Сетка отозвалась жалобным визгом.

Он сел на край, свесив ноги. Впервые за последние дни он остался один. Толпа вокруг существовала, но она была фоном.

Эльдар посмотрел на свои ладони. За две недели карантина кожа загрубела, но профессиональных мозолей инженера — твердых, симметричных пятен от карандаша и рейсфедера — не было. Были только красные пятна раздражения от дерюги матраса.

Он перевел взгляд на окно. Узкая щель между «ресничками». Сквозь нее виднелся кусок неба — свинцового, давящего. И угол красной кирпичной трубы котельной. Труба стояла идеально вертикально. Даже здесь, в месте, где всё должно стремиться к разрушению, законы тяготения работали безупречно. Кирпич лежал на кирпиче, удерживаемый раствором.

Эта мысль принесла странное успокоение. Мир сошел с ума, люди превратились в зверей, правосудие стало фарсом, но физика осталась неизменной. Две силы действуют на тело, покоящееся на наклонной плоскости. Сила тяжести и реакция опоры. Если правильно рассчитать вектор приложения сил, можно удержать равновесие даже на краю пропасти.

— Эй, инженер, — шепот снизу вырвал его из оцепенения. Голос Профессора был сухим, как осенний лист. — Не сверли взглядом трубу. Спалишь дыру в небе, дождь пойдет.

— Привычка, — так же тихо ответил Эльдар. — Я привык искать вертикаль.

— Вертикаль тут одна, — усмехнулся беззубым ртом старик, показывая пальцем в потолок. — Та, что с пулеметами. Всё остальное — горизонталь. Ползи по ней, сынок. Не высовывайся.

Внезапно взвыла сирена. Короткий, режущий ухо сигнал. «Проверка!»

Весь барак ожил мгновенно. Словно кто-то нажал кнопку включения. Застучали деревянные башмаки по полу, зазвенели кружки. Люди вскакивали с мест, лихорадочно заправляя постели.

Правило простое: в строю должен стоять каждый. Если чья-то постель выглядит неопрятно — страдает весь отряд. Коллективная ответственность — главный инструмент ломки личности.

Эльдар скатился вниз. Матрас он успел бросить кое-как.

Сам встал в строй, вытянув руки по швам. Сердце колотилось где-то в горле.

В секцию вошли офицеры. Заместитель начальника колонии по безопасности и оперативной работе (БОР) майор Рогов. Тот самый, из суда. Его дорогой костюм сменился на форму цвета маренго, но выражение лица осталось прежним — брезгливым и скупающим.

За ним семенил начальник отряда — старший лейтенант с красным лицом пьяницы.

Они шли вдоль строя. Майор Рогов остановился напротив Эльдара. Несколько секунд он просто смотрел на него, слегка наклонив голову набок.

— Новенький? — спросил он лейтенанта.

— С этапа сегодня. Седьмая статья. Строитель.

Майор криво усмехнулся.

— Строитель, значит... Что строить умеешь, строитель?

Эльдар сглотнул ком в горле.

— Гражданские объекты. Панельные дома. Фундаменты.

— Дома, значит... — Рогов сделал шаг ближе. От него пахло дорогим табаком и властью. — А стену можешь построить? Таковую, чтобы никто не прошел?

— Могу расчеты сделать.

— Расчеты нам не нужны. Нам нужен бетон. Много бетона. Мы тут новую промзону поднимаем. Будешь полезен — получишь УДО через полсрока. Начнешь права качать — сгниешь на грядках. Ферму свиноводческую видел? Там

говно лопатами гребут. Архитекторов туда часто ставят. Для гармонии.

Майор пошел дальше, оставив после себя облако парфюма и липкого ужаса. Эльдар стоял, чувствуя, как по спине течет ледяной пот, хотя в бараке было душно.

Лейтенант пихнул его в бок:

— Че замер? Равняйся! Смирно! После проверки всем на ужин. И скажи спасибо, что тебя Хозяин заметил. Теперь ты либо взлетишь, либо костей не соберешь.

Ужин проходил в столовой. Пространство огромного ангара давило на психику низким потолком. Длинные столы, прикрученные к полу. Деревянные лавки.

Баландеры — такие же эки, но с красными повязками — швыряли в алюминиевые миски черпак бурой жидкости. Капуста, куски картофеля, редкие волокна мяса, которые скорее напоминали старую резину.

Эльдар взял свою порцию. Сел на свободное место в конце стола. Попробовал.

Вкус был таким же, как запах — приторно-кислым, соленым и водянистым. Организм, истощенный дорогой, требовал калорий. Мозг отказывался принимать эту субстанцию как еду. Но пальцы сами поднесли ложку ко рту. Первая ложка пошла тяжело. Вторая легче. Третья — механически.

Он ел баланду, глядя в серую стену столовой. На стене масляной краской был выведен лозунг: «ЧЕСТНЫЙ ТРУД — ПУТЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ». Буква «О» в слове

«ОСВОБОЖДЕНИЮ» была подтекшей, образуя внизу черную каплю, похожую на слезу.

После еды дали десять минут на перекур в локалке. Небо окончательно почернело. Включили прожектора. Желтые конусы света выхватывали из мрака лишь небольшие участки земли, перечеркнутые черной графикой теней от колючей проволоки.

Эльдар стоял, прислонившись плечом к холодной стене барака. Бетон дышал накопленным за день теплом. Где-то далеко, за запреткой, раздался вой собаки. Ему ответила другая.

Он достал из кармана обломок простого карандаша, который чудом пережил все шмоны — маленький огрызок, зажатый в кулаке. Сунул руку обратно в карман, сжимая дерево пальцами. Карандаш впивался в ладонь болью. Настоящей, живой болью. Единственным доказательством того, что он все еще человек, а не просто единица учета в ведомости вещевого довольствия ИК-17.

Гудок отбоя разорвал воздух.

— В расположение! Бегом!

Толпа качнулась и потекла обратно в бетонное нутро барака. Эльдар шел последним. Он обернулся, бросив последний взгляд на административное здание. В окне третьего этажа горел свет. Кабинет хозяина. Маяк власти посреди моря тьмы.

Зайдя в секцию, он услышал храп. Весь отряд уже спал,

восстанавливая силы для завтрашнего выживания. Только Профессор на нижней койке ворочался, что-то бормоча во сне.

Эльдар подтянулся на руках, забросил свое костлявое тело на второй ярус. Металл обжег бедра даже сквозь ткань. Он лег на спину, сложив руки на груди. Потолок нависал так низко, что казалось — еще немного, и бетон опустится окончательно, раздавит грудную клетку, выдавит остатки воздуха.

Закрыть глаза было страшно. Открыть — невыносимо.

Он думал о том, что архитектура этой колонии гениальна. Она построена не для красоты. Она построена для уничтожения перспективы. Прямые углы, отсутствие горизонтов, слепящий искусственный свет и глухие стены. Человек здесь теряет чувство пространства, а потеряв пространство, теряет волю.

Где-то в животе урчало от голода, несмотря на съеденную баланду. Зуб болел — эмаль не выдержала каменной твердости галет. Во рту стоял вкус переваренной капусты и металла.

Ик-17 приняла его. Пережевала своими бетонными челюстями и начала переваривать.

Глава 4. Раздача личных номеров.

Утро в седьмом отряде начиналось не с солнца — его все равно никто не видел сквозь жалюзи-«реснички», — а с металлического скрежета засова и слепящего удара лампы дневного света под потолком. Эльдар разлепил глаза, чувствуя, как затекла шея от сна на голых металлических полосах второго яруса. Сетка провисла под ним гамаком, зафиксировав тело в противоестественном изгибе.

Внизу уже возился Профессор. Старик двигался плавно, экономя каждое движение, словно плыл в густой воде. Он аккуратно скатал свой матрас в идеальный валик и перетянул его бечевкой.

— Доброе утро, архитектор, — хрипло пробасил он, заметив, что Эльдар открыл глаза. — Как спалось на облаках?

— Твердо, — коротко ответил Эльдар, садясь на краю. Голова гудела от духоты и недосыпа.

— Это полбеда, — усмехнулся Профессор, подтягивая штаны. — Беда начнется, когда тебе имя забудут сказать.

Эльдар не понял смысла фразы до тех пор, пока отряд не выстроили на плацу для утренней поверки. Пространство между бараками было залито бетоном, который за ночь остыл и теперь вытягивал тепло даже через толстые подошвы казенных ботинок. Холод стоял такой, что пар изо рта превращался в ледяную крошку.

Перед строем стояли завхоз Витя-Свист и начальник отряда старший лейтенант Круглов. В руках у лейтенанта была стопка серых картонных прямоугольников, похожих на старые библиотечные карточки. Рядом, на табурете, лежала буханка черного хлеба, банка с канцелярским клеем и ножницы.

— Равняйся! Смирно! — голос Круглова звучал сипло, простуженно. — Отряд, внимание. Сегодня согласно распорядку дня производится клеймение личного состава. Подходим по одному. Списки алфавитные.

Клеймение. Слово ударило Эльдара под дых. В двадцать первом веке, в эпоху цифровых баз данных, это звучало дико, первобытно. Но здесь, в ИК-17, система предпочитала аналоговую надежность. Бирка на груди — твой паспорт, твоя судьба и мишень одновременно.

— Абрикосов! — выкрикнул лейтенант.

Худой парень с бегающими глазами подбежал к столу.

— Место рождения? Статья?

Пока лейтенант записывал данные в журнал, Свист мазнул клеем кусок картона, отрезал нитку от катушки суровых черных ниток и ловко пришил бирку прямо к нагрудному карману рубы Абрикосова. Двумя стежками, крест-накрест. Игла входила в плотный брезент со звуком, напоминающим прокол кожи.

— Номер один-ноль-сорок-два, — буркнул Свит. — Запомнил? Будешь отзываться на «Сорок второй». Понял?

— Понял...

— Свободен. Следующий!

Процесс пошел быстрее. Хлопки клея, скрип ножниц, тупое царапанье иглы о ткань. Зэки подходили, получали свои цифры и отходили в сторону, инстинктивно прикрывая грудь рукой, будто им только что вырвали сердце и заменили его куском картона.

Эльдар стоял во второй десятке. Он смотрел на спины впереди стоящих. Серая масса одинаковых роб, подпоясанных одинаковыми веревками. Единственное различие — эти белые прямоугольники, которые с каждым новым человеком делали толпу еще более безликой. Личность стиралась. Оставалась лишь цифра.

— Тимофеев!

— Уразбаев!

Лейтенант добрался до буквы «Т».

— Трофимов! Нет... Тимченко! Где этот интеллигент чертов?

Эльдар сделал шаг вперед. Сердце пропустило удар. Он подошел к столу, стараясь держать спину прямо.

Лейтенант поднял на него красные от недосыпа глаза.

— А, строитель. Ну-ка, дай на тебя посмотрю. Руки покажи.

Эльдар протянул ладони. Лейтенант повертел их, потрогал мозоли.

— И правда работяга. Только чистый больно. Ладно, да-

вай лепить. Имя-отчество мне твои ни к чему, всё равно выколются или сотрутся. Ты теперь семьдесят четвертый.

Свист намазал картон густым желтым клеем. Клей пах кислятиной и химией.

— Голову наклони, — скомандовал завхоз.

Он прижал мокрую картонку к левой стороне груди Эльдара, прямо над сердцем. Прижал сильно, так что ребра хрустнули. Затем достал иглу с уже заправленной черной нитью.

Первый укол пришелся точно в край соска. Боль была резкой, острой, совершенно неожиданной. Эльдар сцепил зубы, но не пошевелился. Второй укол. Третий. Свист работал быстро, делая широкие стежки. Один. Второй. Узел. Щелчок перекусываемых ниток зубами.

— Готово, — Свит хлопнул ладонью по свежей нашивке, окончательно впечатывая ее в ткань. — Семьдесят четвертый. Чувствуешь цифру? Она теперь теплее твоей кожи.

Эльдар опустил взгляд. Прямоугольник размером с пачку сигарет белел на сером фоне. На нем каллиграфическим почерком были выведены номер учреждения, номер отряда и три цифры: **704**. Буква "О" немного смазалась, превратившись в жирное пятно.

Семьсот четыре. Не человек. Координата. Единица учета поголовья.

— В строй, — лениво бросил лейтенант.

Эльдар вернулся на свое место. Картонка царапала кожу

сквозь тонкую ткань нательной рубахи. Каждое движение вызывало трение. Он попытался прижать руку к телу, чтобы зафиксировать бирку, но конвоир на вышке тут же рывкнул в мегафон:

— Руки по швам, мать твою! Строем стоим!

Поверка закончилась командой «Разойдись». Отряд рассыпался. Кто-то побежал умыться к ржавому рукомойнику, где вода текла тонкой струйкой, кто-то остался курить.

Именно в этот момент пространство вокруг Эльдара начало меняться. Атмосфера стала плотной, звенящей. Он почувствовал спиной взгляды. Десятки глаз изучали новенького. Оценивали. Проверяли на прочность.

От группы курящих у забора отделился человек. Высокий, широкоплечий, с головой, выбритой почти под ноль. Шаг был тяжелым, уверенным. Аркадий. Его лицо ничего не выражало, но плечи были напряжены, как перед броском. За ним тенью следовали двое прихлебателей — мелкие жулики, ищущие покровительства.

Аркадий остановился в метре от Эльдара. Он медленно осмотрел его с ног до головы, задержав взгляд на новых тяжелых ботинках и чистой, хоть и помятой после карантина куртке.

— Новенький, — констатировал Аркадий. Голос его звучал низко, с бархатными нотками угрозы. — Циферку получил?

Эльдар молчал. Говорить первым — значит оправдывать-

ся.

— Я спрашиваю, баклан, циферку свою запомнил? — Аркадий сделал еще полшага вперед. Теперь они стояли почти вплотную. От него пахло дешевым мылом и сыростью.

— Семьсот четыре, — ровно ответил Эльдар, глядя поверх плеча Аркадия.

— О как, — усмехнулся тот. — Грамотный. А я вот смотрю на тебя и думаю... Места у нас в секции дефицитные. Хорошие места. Вот эта лавка, например. — Он кивнул на нижнюю койку возле окна. Там сидел какой-то забитый мужичок, который при виде Аркадия побледнел и начал собирать свои пожитки. — Теплое место. Сквозняка нет. До параша далеко. Согласен?

Это был классический сценарий «прописки». Если новичок соглашается отдать чужую вещь добровольно, его статус падает ниже плинтуса. Он становится «шнырем» — прислугой.

— Место занято, — сказал Эльдар.

— Уже нет, — ухмыльнулся Аркадий. Он щелкнул пальцами. Один из его спутников подошел к сидящему мужичку и просто толкнул его в плечо. Тот свалился с лавки вместе со своим узлом. — Видишь? Свободно. Садись, отдыхай. Заслужил. Ты же инженер у нас? Тебе тяжело стоять будет, ноги беречь надо для чертежей.

Последние слова прозвучали как выстрел. Толпа загготала. Смех десятков глоток отразился от бетонных стен лока-

ки. Над новичком смеялись всегда — это закон выживания толпы. Смеяться должен либо ты, либо над тобой.

Эльдар перевел взгляд на упавшего мужичка. Тот сжался в комок, закрыв голову руками. Рядом валялась его кружка, привязанная к поясу. Она откатилась прямо в грязную лужу.

Внутри у Эльдара что-то переключилось. Усталость, голод и холод последних дней вдруг кристаллизовались в одну холодную мысль. *Геометрия.* Угол падения равен углу отражения. Сила действия равна силе противодействия. Если сейчас уступить дюйм пространства, завтра придется отдать всю кровать, пайку и остатки достоинства.

— Подними кружку, — тихо сказал Эльдар Аркадию.

Смех мгновенно стих. Стало слышно, как ветер гоняет пыль по плацу.

— Что ты вякнул? — бровь Аркадия дернулась.

— Ты перевернул иерархию, — так же тихо продолжил Эльдар, не меняя позы. — Сначала ты предлагаешь мне сесть. Потом заставляешь человека падать. Логическая ошибка. Чтобы я сел, он должен встать. А он лежит. Значит, сидеть некому. Физика процесса нарушена.

Аркадий моргнул. Он привык к мату, к истерике, к животным реакциям. Этот спокойный, лекторский тон сбивал его с толку. Для Аркадия тюрьма была джунглями. Для Эльдара она становилась дефектным проектом, который нужно исправить.

— Умный самый? — прошипел Аркадий. — Мозги засту-

дил на своем втором ярусе?

Он резко выбросил руку вперед, пытаясь схватить Эльдара за грудки, за ту самую бирку 704, чтобы притянуть к себе и ударить коленом в пах. Классический прием уличной драки, отработанный годами.

Но рука поймала пустоту.

Эльдар не отступил назад — отступление показывает страх. Он совершил микродвижение вбок, перенося центр тяжести на левую ногу. Правая рука Аркадия пролетела мимо лица буквально в сантиметре. Из-за разницы в росте (Эльдар был чуть выше) захват сверху был неудобен для противника.

Не давая Аркадию восстановить равновесие после промаха, Эльдар нанес ответный удар. Это не был боксерский хук. Это был точечный импульс. Ребром открытой ладони, жестко, по лучезапястному суставу атакующей руки.

Удар пришелся в нервный узел. Пальцы Аркадия рефлексивно разжались от боли.

Одновременно левым локтем Эльдар коротко, без замаха, ударил Аркадия в солнечное сплетение. Удар был несильным, скорее обозначающим дистанцию, но точный выбор точки заставил огромного парня сложиться пополам, судорожно хватая ртом воздух.

Всё произошло за две секунды. Абсолютная тишина повисла над локальным участком. Даже воробьи, вечно копошившиеся в пыли, замерли.

Эльдар остался стоять в той же расслабленной позе. Ни одна складка на его робе не сбилась. Лицо оставалось бледным и спокойным. Он посмотрел на согнутого Аркадия, потом на его прихвостней.

— Закон сохранения энергии, — произнес он в мертвую тишину, обращаясь ко всем сразу. — Система стремится к минимуму потенциальной энергии. Вы создаете хаос. Хаос требует затрат. Моя задача — вернуть систему в состояние покоя с наименьшими потерями.

Кто-то в толпе сдавленно кашлянул. Это был Профессор. Он сидел на корточках у стены и улыбался в бороду. Ему нравился этот спектакль.

Аркадий наконец разогнулся. Лицо его пошло красными пятнами. Глаза налились кровью. Он проиграл дважды: физически, получив отпор, и интеллектуально, будучи размазанным терминологией, которую не понимал. Такие обиды не прощаются никогда. Но сейчас вступать в долгую свалку ему запретил инстинкт самосохранения — весь отряд смотрел на них. Проиграть новичку прилюдно означало конец карьеры смотрящего.

— Мы еще договорим, — просипел Аркадий, сплевывая тягучую слюну. — Вечером. В каптерке.

— Договорим, — согласился Эльдар. — Только учти: если хочешь решить вопрос силой, тебе придется убить меня. Потому что иначе я буду считать каждый твой вдох нарушением протокола безопасности. А протокол нарушать нельзя.

Аркадий развернулся и ушел, чеканя шаг. Его шестерки бросились за ним, оглядываясь на Эльдара со смесью страха и любопытства.

Толпа начала расходиться, возбужденно перешептываясь. Произошедшее требовало осмысления. Никто не видел такого приема. Это не было поножовщиной. Это была математика.

Мужичок, которого сбили с лавки, подполз к Эльдару на коленях, держа в дрожащих руках спасенную кружку.

— Спасибо, мил человек... век не забуду... я уж думал...

— Сядь, — перебил его Эльдар. — И дыши носом. Паника сжигает кислород быстрее, чем работа.

Сам Эльдар подошел к пустой нижней койке. Той самой, из-за которой начался конфликт. Он провел рукой по шершавому металлу каркаса.

Нижний ярус имел массу преимуществ. Во-первых, конвекция воздуха: теплый углекислый газ поднимается вверх, внизу дышать легче. Во-вторых, безопасность: падение со второго яруса чревато переломами. В-третьих, акустика: снизу лучше слышны шаги приближающегося надзора.

Он положил свой матрас на сетку. Сел. Деревянная рама кровати едва слышно скрипнула.

Подошел Профессор. Он плюхнулся рядом на соседнюю свободную шконку, хотя мог бы претендовать на любую.

— Лихо ты его, — протянул старик, доставая самокрутку. — По науке.

— Пришлось применить вектор силы, — устало ответил Эльдар. — Иначе коэффициент агрессии превысил бы критическую отметку.

— Забудь свои коэффициенты, сынок, — Профессор чиркнул зажигалкой. — Здесь другие единицы измерения. Тут меряют сломанными челюстями. Как ты его красиво... Инженером назвал?

— Что? — не понял Эльдар.

— Ну, про протокол безопасности, про энергию. Ты ведь не зря инженером числишься. У тебя мозг так устроен — ты мир видишь как схему. Провода, узлы, нагрузки. А мы тут живем эмоциями. Страхом да злобой.

Старик глубоко затянулся.

— Народ сейчас пойдет языки чесать. Надо как-то тебя называть. «Семьсот четвертым» язык ломать запаadlo. «Новенький» — долго. А «Инженер» — самое то. Коротко и обидно. Они будут думать, что стебуются. А на самом деле правду скажут.

Слово повисло в воздухе.

Инженер.

В этом слове не было тюремной романтики. Оно пахло канифолью, графитом и пылью строительных площадок. Оно выдавало в нем чужака, образованного, того, кого принято презирать в зоне. Но вчерашняя стычка в вагоне и сегодняшняя расправа над Аркадием добавили этому слову новый оттенок. Опасность. Непредсказуемость.

— Пусть будет Инженер, — равнодушно пожал плечами Эльдар. — Название переменной не меняет значения функции.

— Ох и намучаешься ты с этим значением, — вздохнул Профессор. — Ладно, пошли. Сейчас вещевого будет. Получишь ложку дырявую и мыло каменное. Поздравляю с заселением, Инженер. Нижнее место ты отбил. Кровью. Теперь береги его.

День покатился дальше по рельсам распорядка. Была баня, где им приказали мыться холодной водой, пока кипяток лился в шайки актива. Был обед, та же баланда, которая показалась Эльдару вкуснее, потому что желудок смирился с неизбежным. Были лекции начальника отряда о пользе честного труда, которые Эльдар слушал, механически вычисляя площадь штукатурки, необходимую для ремонта этого кабинета.

Вечером, перед отбоем, когда отряд собирался в секции, к нему снова подошел один из людей Аркадия.

— Инженер, — криво усмехнулся он. — Батя зовет. Разговор есть.

— Передай Бате, — Эльдар даже не поднял глаз от чистки своих новых ботинок пучком сухой травы, — что инженеры работают днем. Ночью техника должна отдыхать. График сменности нарушается.

Парень опешил, постоял секунду и ретировался. Смеха за его спиной не последовало. Было тяжелое, уважительное

молчание.

Эльдар лег на свою нижнюю шконку. Металл больше не казался таким ледяным. Матрас принял форму тела. Бирка 704 терлась о сосок при каждом вдохе, напоминая о цене входа в этот мир.

Он закрыл глаза. Сон не шел. Вместо него приходило понимание.

Его старая жизнь закончилась там, за воротами КПП. Новая началась здесь, с трех цифр на груди и клички, приклеившейся намертво.

«Инженер».

Звучало как приговор. Или как инструкция по эксплуатации.

Глава 5. Встреча с отрядом.

Утро в седьмом отряде пахло прелой шерстью и машинным маслом. Этот запах просачивался сквозь тонкие стены барака еще до подъема, становясь частью сновидений — тяжелых, рваных, состоящих из стука металла о металл. Эльдар открыл глаза за секунду до того, как взвыла сирена. Его тело начало привыкать к режиму: внутренние часы сжимались, подстраиваясь под ритм колонии.

Он свесил ноги со своей нижней шконки. Пол был ледяным. Прозвище «Инженер», брошенное вчера Профессором, уже успело облететь отряд. Оно звучало то как насмешка, то как опасливый шепоток за спиной. В мире, где уважали только физическую силу или животную хитрость, интеллект считался дефектом. Инженер здесь — это либо лох, которого можно бесконечно грузить сложными задачами за миску баланды, либо скрытая угроза. Пока что Эльдар балансировал на этой грани.

— Подъем! — голос дежурного по локалке резанул по ушам. — Выходи строиться на зарядку!

Зарядка во дворе представляла собой унылое топтание на месте полусонных людей. Холод пробирал до костей даже сквозь фуфайку. Эльдар делал махи руками, краем глаза наблюдая за территорией. Он искал слабые места в системе охраны, но находил лишь подтверждение ее абсолютно-

сти: вышки стояли слишком близко, прожектора били точно в стыки бетонных плит плаца.

После скудного завтрака (перловка, слипшаяся в единый серый ком) началось распределение работ.

В тюремной иерархии промзона была отдельным государством. Попасть на хорошую работу означало получить УДО через полгода. Загреметь на тяжелую — похоронить позвоночник к тридцати пяти годам.

Эльдара вызвали одним из первых. Завхоз Витя-Свист держал в руках список и личное дело.

— Так... Семьсот четвертый. Образование высшее техническое?

— Среднее специальное, — поправил Эльдар.

— Один хрен, инженер, — Свист осклабился. — Нам такие умники нужны. На швейку пойдешь. Там сейчас аврал, план горит. Начальник промки просил головастого дать, кто механизмы понимает. Станки у них древние, сыплются.

Сердце Эльдара пропустило удар. Механизмы. Это было его. Схемы, шестеренки, рычаги. Возможность уйти от физической грязи быта в мир логики и физики.

— Есть возражения? — бровь Свиста поползла вверх.

Возражать завхозу — прямой путь в стропальщики на лесоповал.

— Никак нет.

— Свободен. После развода идешь в первый цех. Найдешь мастера Михалыча.

Развод прошел быстро. Отряды выстраивались в колонны перед воротами локальных участков. Конвой пересчитывал головы, сверяя номера на груди с ведомостью. *Семьсот четыре*. Кивок охранника. Проход открыт.

Их повели через главную аллею. Утренний туман начал рассеиваться, обнажая истинные масштабы ИК-17. Справа тянулся бесконечный забор основного заграждения, слева — ряды хозяйственных построек. Впереди возвышалось длинное серое здание из силикатного кирпича с рядами высоких окон. Из трубы над крышей валил густой черный дым. Промзона.

Швейный цех встретил их ревом.

Это был не просто шум, это была звуковая стена. Грохот сотен ножных приводов старых промышленных машин «Подольск» и «Зингер», шипение пара, матерщина бригадиров и монотонный гул транспортеров. Воздух был густым от текстильной пыли. Она оседала на зубах, лезла в легкие, делая каждый вдох похожим на глоток песка.

Мастерская представляла собой огромный ангар, заставленный рядами длинных столов. За ними сидели люди в синих нарукавниках. Движения их были механическими, доведенными до автоматизма годами однообразного труда. Рука вниз — игла входит в ткань. Рука вправо — шов ложится ровно. Миллион повторений одного и того же жеста.

Михалыч оказался сухоньким мужичком лет шестидесяти с лицом, покрытым глубокими морщинами и следами ожо-

гов. Глаз у него был один — второй скрывала черная пиратская повязка. Несмотря на возраст, двигался он стремительно, словно капля ртути.

— Новенький? — он осмотрел Эльдара с ног до головы, задержав взгляд на чистых руках. — Инженер, говорят?

— Так точно.

— Инженеров тут любят, — усмехнулся Михалыч, обнажив металлические коронки. — Особенно когда они гайки крутят бесплатно. Иди за мной.

Они прошли в дальний угол цеха, отгороженный металлической сеткой. Здесь стоял грохот иного рода — низкий, утробный, вибрирующий. Это были тяжелые оверлоки для обработки краев брезента.

Три машины стояли мертвым грузом. Огромные, похожие на пыточные станки агрегаты. Рядом суетился заросший черной бородой зэк, яростно дергая за ремни привода.

— Третий день встали, падлы, — сплюнул бородач. — План стопорим. Хозяин голову снимет.

— Вот тебе помощник, Сулейман, — кивнул Михалыч на Эльдара. — Золотые руки. Только смотри, не сломай. Он мне живой нужен, налоги платить умеет.

Когда мастер ушел, бородач Сулейман повернулся к Эльдару. Взгляд у него был тяжелый, оценивающий.

— Меня Сулейманом звать. Я тут смотрящий за машинами. Ты эта... правда понимаешь чего?

Вместо ответа Эльдар подошел к центральному агрегату.

Склонился над ним. Запах перегретого металла и жженого масла ударил в нос. Для большинства заключенных этот станок был куском мертвого железа. Для Эльдара это был организм. Больной, запущенный, но понятный.

Он провел пальцем по кожуху ременной передачи. Палец наткнулся на слой застарелой смазки, перемешанной с пылью. Затем присел на корточки, заглядывая под платформу. Ножной педальный механизм был перекошен. Ось ведущего шкива имела люфт почти в полсантиметра.

Десять минут работы, — пронеслось в голове. — Снять стопорное кольцо, выбить ось, подобрать шайбу.

Эльдар выпрямился.

— Масло есть? Веретенное? Или хотя бы автол?

Сулейман молча ткнул грязным пальцем в сторону деревянного ящика. Внутри стояла литровая банка темной жидкости.

Эльдар закатал рукава руби. Впервые за две недели он почувствовал себя на своем месте. Он взял кусок ветоши, протер смотровые окошки картера. Открыл масленку. Капли масла упали на сочленения рычагов.

Он начал вращать колесо рукой. Медленно. Прислушиваясь. Скрежет шел из глубины механизма подачи ткани. Игловодитель бил не по центру лапки.

— Ключ на тринадцать есть? — спросил Эльдар, не оборачиваясь.

— Чего? — не понял Сулейман.

— Железяка такая. Гаечный ключ.

Бородач нахмурился, почесал затылок, потом вдруг расплылся в улыбке:

— А-а-а... Родня, что ли? Будет тебе клюв. Сейчас сбегая в инструменталку.

Прошел час.

За это время Эльдар полностью перебрал узел натяжения верхней нити. Заменял сработавшуюся пружину на более упругую, снятую с соседней, безнадежно разобранной машины. Выставил зазоры. Протер все направляющие.

Его движения были точными, экономичными. Он работал так, как учил отец: чувствуй металл, не применяй силу там, где нужна точность.

К обеду первая машина заработала.

Эльдар нажал на педаль. Тяжелый оверлок издал ровный, сытый гул. Строчка ложилась идеально — нить шла плавно, без пропусков и петель. Звук здорового механизма ласкал слух лучше любой музыки.

— Ай, красавица! — Сулейман хлопнул его по плечу тяжелой ладонью. — Золотой ты человек, Инженер! Дай пять! Теперь мы норму сделаем! Мастер водки даст, отвечаю!

Эльдар вытер руки. На душе было странное чувство удовлетворения, смешанное с тревогой. Он сделал свою работу хорошо. Как привык делать всегда. Но боковым зрением он видел, как взгляды других швей — десятков мужчин, сгорбленных над своими столами — стали другими. Если раньше

на него смотрели с любопытством, то теперь — с настороженностью.

Закон тюрьмы прост: если работаешь медленно, ты свой, ты тянешь лямку вместе со всеми. Если работаешь быстро, ты «козел», потому что повышаешь общую норму выработки. А норма выработки в зоне — это удавка на шее каждого.

— Обед! — пронесся по цеху крик дневального.

Рабочие побросали заготовки и потянулись к выходу, построившись в очередь к своим бачкам.

Эльдар хотел остаться, доделать вторую машину. Ему нравилось чувствовать власть над механизмом.

— Эй, Инженер, — окликнул его седой мужчина с бельмом на глазу, работающий за соседним столом. — Ты куда прешься? Тут шабашат по звонку. Пойдем хлебать.

В столовой Эльдар сел рядом с Профессором. Старик сегодня выглядел хуже обычного — кашель раздирает его грудь.

— Ну как, наука? — прохрипел Профессор, дуя на алюминиевую ложку с жидкими щами.

— Починил три единицы оборудования, — с гордостью сказал Эльдар. — Поставили на самый сложный участок. Михалыч обещал поощрение.

Профессор перестал жевать. Он медленно положил ложку на край стола. Лицо его стало серьезным.

— Поощрение, говоришь... — протянул он. — И какая у тебя теперь выработка будет стоять в наряде?

— Сто процентов, наверное. Может, сто десять, если вто-

рая машина пойдет.

Старик горько рассмеялся, отчего закашлялся кровью прямо в платок.

— Дурак ты, хоть и инженер. Сто десять процентов... Ты знаешь, сколько делает Сулейман твой, когда спит на ходу? Сорок. Знаешь, сколько делаю я, пришивая пуговицы? Двадцать. Потому что жизнь дороже пайки.

Эльдар нахмурился:

— Но ведь план...

— Забудь слово «план», сынок, — жестко оборвал его Профессор. — В зоне нет плана. В зоне есть имитация бурной деятельности. Завод должен работать, чтобы хозяин рапортовал в управу. Но никто не заинтересован в том, чтобы вы реально много шили. Если вы выполните план на двести процентов, завтра вам привезут в два раза больше материала, а послезавтра срежут нормы питания, потому что «бюджет освоен». Понял?

До Эльдара начало доходить. Он пытался применить законы здоровой экономики к раковому образованию. Это было ошибкой.

— То есть моя работа...

— Твоя работа сделала всем плохо, — тихо закончил Профессор. — Ты поднял планку. Те трое, что сидят на таких же машинах, теперь обязаны будут выдавать столько же. А они старые, больные. Они не могут. Значит, их начнут пресовать бригадиры. А бригадира прессует кум (опер). Цепная

реакция. И всё из-за твоего энтузиазма.

После обеда они вернулись в цех.

Эльдар подошел ко второй машине. Разобрав каретку, он заметил трещину в чугунном корпусе челнока. Требовалась сварка.

Он пошел искать Михалыча, чтобы доложить о необходимости ремонта. Искал долго. Нашел мастера в каптерке. Тот сидел за столом с двумя активистами и пил чай из эмалированной кружки. На столе лежала палка сухой колбасы — невиданная роскошь.

— Товарищ мастер, у меня проблема с оборудованием...

Михалыч медленно поднял на него глаза. Взгляд был мутным, тяжелым. Радость от утреннего запуска первой машины испарилась.

— Какая еще проблема, Инженер? — процедил он.

— Трещина в основании. Нужна электросварка. Иначе игловодитель вырвет с мясом при первом же запуске.

— Сварка занята, — отрезал Михалыч. — На той неделе придет.

— Но производство стоит...

— А ты кто такой, чтоб оно бежало?! — внезапно взорвался мастер, вскакивая. Колбаса дрогнула на столе. — Умный самый? Герой пятилетки? Пришел тут, чистеньким притворяешься? Мы тут живем спокойно, планы рисуем, баланду жрем! А ты решил всех раком поставить?!

Михалыч схватил Эльдара за грудки, притягивая к себе.

От него несло чесноком и спиртным.

— Слушай сюда, чертежник, — прошипел он в лицо Эльдару. — Мне плевать на твои железки. Мне нужно, чтобы табель был закрыт. Чтобы люди числились занятыми. Если ты будешь бегать и чинить всё подряд, нам завтра привезут гнилого брезента, который мы будем штопать до второго пришествия. Работай как все. Через губу. Понял?

Он толкнул Эльдара так, что тот врезался спиной в стеллаж с катушками. Нитки посыпались на пол разноцветным дождем.

— Иди метлой помаша, умник. Заслужи право на отвертку. А пока ты здесь — ты пыль. Самая дешевая рабсила.

Вечером, после съема, когда отряд вернулся в барак, напряжение достигло точки кипения.

Эльдар лег на свою нижнюю шконку. Спина ныла от непривычного физического напряжения, пальцы были исколоты иглами и порезаны о кромки металла. Но болело не тело. Болело самолюбие.

Сквозь гул голосов в секции он слышал разговор у окна. Говорили двое швей — Сулейман и тот самый старик с бельмом.

— ...видел, как мастер его чморил? — смеялся Сулейман. — Правильно. Нефиг высовываться. Жил я спокойно, двадцать процентов давал, думал о вечном. А теперь? Михалыч пришел, орет: «Где выработка Инженера? Почему твоя машина стоит?»

— Да уж, подложил свинью городской, — вздохнул старик. — Теперь Маркин (бригадир) всю бригаду на уши поставит. Скажет: «Если слепой может сорок штук в смену сделать, почему вы, здоровые лбы, тридцать еле тянете?»

Эльдар отвернулся к стене. Бирка 704 казалась раскаленной. Он попытался заснуть, но сон не шел. Перед глазами стояло лицо Михалыча. Не злое — испуганное. Испуганное тем, что привычный уклад жизни, основанный на ленивой деградации, дал трещину.

Ночью к нему подошел Аркадий. Он возник из полумрака бесшумно, как кот. Сел на край койки Профессора. Старик демонстративно захрапел громче.

— Трудяга, значит? — прошептал Аркадий. Голос его был лишен обычной агрессии, в нем звучал исследовательский интерес. — Героя труда включил?

— Я делал свою работу, — ответил Эльдар, не поворачиваясь.

— Работу... — усмехнулся Аркадий. — Твоя работа здесь — сидеть. Тихо. Незаметно. А ты устроил производственный рекорд. Ты нарушил закон Архимеда, Инженер. Погрузил тело в воду — поднимай уровень всей лужи. Лужа этого не любит. Она тебя выплюнет. Или утопит.

Аркадий встал.

— Завтра бригада идет разгружать вагоны с цементом. Это вне графика. Приказ сверху. Из-за тебя, кстати. Надо закрыть дыру в бюджете, которую ты создал своим ремонтом.

Учти, Инженер. На разгрузке ломают хребты. Будь готов. И попробуй там поработать честно. Посмотрим, сколько ребер у тебя останется целыми к ужину.

Он растворился в темноте между коек.

Эльдар остался лежать, глядя в потолок. До него окончательно дошла страшная истина зоны. Тюрьма — это не место наказания преступников. Это гигантская симуляционная модель общества, где главной добродетелью является посредственность. Успех наказывается строже, чем кража. Эффективность считается преступлением против коллектива.

Он закрыл глаза. Инженер внутри него требовал найти решение. Оптимизировать процесс. Создать алгоритм выживания.

Но впервые в жизни формулы не работали. Переменная "Справедливость" здесь равнялась нулю.

Глава 6. Ночной разговор под одеялом.

Отбой в седьмом отряде не приносил тишины. Он лишь менял тональность шума: дневной грохот промзоны сменялся вечерним гулом голосов, шуршанием газет и тяжелым дыханием сотни мужчин. Когда свет наконец погасили, наступила вязкая, осязаемая темнота, прорезаемая лишь узкой желтой полосой из-под двери дежурного.

Эльдар лежал на своей нижней шконке, глядя в потолок. Металл остывал медленно, отдавая накопленное за день тепло, но сон не шел. Тело ныло после смены — непривычный физический труд ломал мышцы, привыкшие к чертежной доске. Но сильнее физической боли давило понимание собственной ошибки. Слово «козел», брошенное ему вслед Михалычем сегодня в цеху, жгло кожу хуже кислоты. Он нарушил закон, о существовании которого даже не подозревал. Закон имитации.

Сверху, с третьего яруса, свесилась голова Профессора. В темноте белела только его спутанная борода.

— Не спишь, архитектор? — голос старика прозвучал глухо, как из колодца.

— Думаю, — коротко ответил Эльдар.

— Это здесь самое опасное занятие, — хмыкнул Профес-

сор. — От мыслей нары становятся жестче, а баланда кислее. Иди вниз, покури. Разговор есть. А то завтра тебе эти думы боком выйдут.

Эльдар бесшумно поднялся. Спать при свете или громко разговаривать было запрещено правилами внутреннего распорядка, но зона жила по своим законам. Главное правило ночной беседы — накрыться с головой одеялом. Для надзора это выглядит как два зека, просто укрывшихся от холода. На деле же — это самый защищенный канал связи, где звук тонет в шерсти, а тени скрывают лица.

Они устроились на койке Профессора. Старик достал из потайного шва в матрасе самокрутку и крошечный коробок спичек. Чиркнуло. Огонек выхватил из темноты глубокие морщины, похожие на трещины в сухой земле, и единственный зрячий глаз, смотрящий остро и внимательно.

Профессор сделал глубокую затяжку. Красная точка уголька вспыхнула и замерцала в такт его словам.

— Слушай сюда, Инженер, — начал он, выпуская дым в складки одеяла. — Я тебя вчера пожалел, думал, ты сам допрешь. Но вижу — у тебя мозг иначе устроен. Ты мир через цифры видишь. А тут люди. Тут математика другая. Дважды два может быть десять, если так решит сходка. Понял?

— Я понял, что испортил план бригаде, — сказал Эльдар. — Из-за моих сорока минут работы с машиной Сулеймана теперь весь отряд будет пахать.

— Дело не в плане, — поморщился Профессор. — План

— это пыль для начальства. Дело в *понятиях*. Ты сегодня переступил черту. Черта эта невидимая, она здесь везде проведена. Как линии электропередач. Тронешь — убьет.

Он придвинулся ближе, запах табака стал густым, почти осязаемым.

— Вы там, на воле, привыкли всё делить на "хорошо" и "плохо", "законно" и "незаконно". Забудь. Здесь главное деление другое. Есть те, кто живет **по-людски**, и те, кто живет **по-козлячьи**. Всё. Остальное — нюансы.

Эльдар молчал, впитывая каждое слово. Воздух под одеялом становился спертым, тяжелым, но шевелиться было нельзя — выдашь движение.

— Начнем снизу, — продолжил Профессор, водя пальцем по сетке кровати, словно чертя схему. — Самая низкая каста. Ниже дна. Называются **«обиженные»**, **«петухи»** или **«опущенные»**. Про них говорить много не буду, чтоб твой разум чистый не поганить. Скажу одно: они делают грязную работу. Унитазы моют, мусор гребут. К ним нельзя прикасаться. Нельзя брать у них ничего из рук. Если твоя сигарета коснулась их губ — она больше не твоя. Если сел за стол, где сидел такой — ты сам туда упал. Это дно. Они вне игры. Живые мертвецы. Запомни раз и навсегда: твоя жизнь зависит от того, насколько далеко ты стоишь от них.

Старик помолчал, стряхивая пепел в ладонь.

— Над ними стоят **«шерсть»**. Или козлы. Активисты. Те самые, красные повязки которых ты видел. Завхозы, наряд-

чики, бригадиры. Люди власти администрации. Они работают на ментов. Стучат, прессуют мужиков, выбивают план. За это получают лишнюю пайку, чай, иногда водку.

Тут Профессор усмехнулся, обнажив металлические фиксы:

— Вот ты сегодня мастером заделался. Машину чинил. По закону зоны — работа уважаемая. Но делал ты ее для актива. Ты поднял руку, чтобы помочь человеку с красной повязкой сделать его воровское дело чище. Значит, ты протянул руку ментам через него. Понимаешь механику? Машина сломалась — плохо всему отряду. Машина работает быстро — плохо всему отряду, потому что норму поднимут. Она должна работать *ровно настолько*, чтобы мастер мог спать, а кум был доволен отчетом. А ты пришел и смазал шестеренки правдой. Смазывать надо солидолом лжи, Инженер.

— Но я просто хотел... — начал Эльдар.

— Хотел остаться честным человеком? — перебил Профессор. Его голос стал жестким. — Здесь нет людей. Здесь есть масти. Попытка сохранить человеческое лицо без маски карается смертью этого лица. Ты высунулся. Показал, что умеешь думать лучше других. В стае волков тот, кто бежит быстрее вожака, долго не живет. Его либо ставят на место зубами, либо выгоняют в лес на съедение.

Эльдар почувствовал, как холодный пот течет между лопатками. Вся его система координат рушилась. Он пытался найти логику в словах старика и находил ее пугающую, зве-

риную правду.

— Хорошо, — произнес он, стараясь держать голос ровным. — Шерсть — это администрация. Низ — это грязь. Кто посередине?

— Посередине — хребет, — прошептал Профессор. — Основа всего. «**Мужики**».

Глаза старика блеснули в полумраке каким-то внутренним светом.

— Мужик — это лошадь зоны. На нем всё держится. Он должен работать. Должен терпеть. Должен молчать. Главная заповедь мужика: «Не верь, не бойся, не проси». Работает на промке, тянет свой срок, ни во что не лезет. Он платит вобщак — скидывается на общее (чай, конфеты, поддержка тех, кто сидит в карцерах). Взамен его никто не трогает. Блатные смотрят за порядком, мужики обеспечивают ресурс. Симбиоз. Равновесие.

— А если мужик сильный? — спросил Эльдар. — Если он умеет драться?

— Сильный мужик — это хорошо, — кивнул Профессор. — Пока он знает свое место. Место лошади — в стойле. Если лошадь начинает решать, куда ехать повозке, ее пускают на колбасу. Сегодня ты показал силу Аркадию в вагоне. Это зачлось. Аркадий — дурак, он понимает только кулак. Но сегодня в цеху ты показал *разум*. А разум пугает сильнее. Потому что кулаком можно разбить нос, а разумом можно разрушить всю систему распределения благ. Поэтому шерсть

смотрит на тебя волком. Ты непредсказуемый элемент в их уравнении.

Эльдар переваривал информацию. Мозг аналитика строил новую модель общества.

— Вы сказали про равновесие. Кто держит этот баланс сверху?

Профессор раздавил окуроч о металлическую стойку кровати. Запах паленого металла смешался с табаком.

— Наверху живут Боги. «**Блатные**». Люди в отрицалове. Те, кто никогда не надевает красную повязку. Кто не ходит на работу вообще, кроме разве что каких-нибудь легких поручений вроде сушки сухарей. Их власть не прописана ни в одном уставе ФСИН. Она написана кровью.

Старик перешел на едва слышный шепот:

— У них свои звания. Самый главный — **Вор**. Положе-нец, смотрящий. Тот, кому вся тюрьма носит долю. Под ним — бродяги, арестанты. Люди чести. Они следят за ходом. Чтобы мужиков не перегибали активисты. Чтобы обиженных не сажали за общий стол. Чтобы игра была честной.

— Игра?

— Карточная игра, сынок. Жизнь — это большая игра. А блатные — крупье. Они не имеют права притрагиваться к крови — то есть работать на администрацию. Если Вор возьмет метлу и пойдет мести плац — он перестает быть Вором. Он падает в шерсть. Обратной дороги нет. Только ногами вперед.

Эльдар закрыл глаза. Контуры мира проступили сквозь туман непонимания.

— То есть структура такая: Администрация использует Шерсть, чтобы грабить Мужиков. Блатные контролируют процесс, чтобы Шерсть не оборзела окончательно, забирая себе слишком много. При этом Блатные ненавидят Администрацию, но существуют внутри её стен. Парадокс.

— Соображаешь, — тихо рассмеялся Профессор. — Именно парадокс. Зона стоит на противоречиях. Если мужики восстанут против шерсти — придут спецназовцы и избыют всех. Если шерсть задавит мужиков совсем — производство встанет, зону расформируют, и блатные потеряют базу. Баланс страха. Ты сегодня качнул эту лодку, Инженер. Починив машину, ты помог шерсти заработать галочку перед хозяином. Но сделав это качественно, ты заставил шерстяных нервничать, потому что показал, что можешь заменить любого из их инженеров-механиков. Ты стал полезен системе, а полезный человек в зоне — это товар. Тебя захотят купить. Либо кум, либо положенец.

Повисла тяжелая пауза. Слышно было только сопение спящих вокруг и далекий лай собак на вышке.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил вдруг Эльдар. — Ты старый, мудрый вор. Я — непонятный фраер с биркой инженера. Тебе какая выгода?

Профессор долго смотрел на него единственным глазом. В этом взгляде не было жалости. Было холодное любопыт-

ство патологоанатома.

— Мне осталось недолго, — спокойно сказал старик. Кашель снова скрутил его, но он справился. — Туберкулез грызет легкие уже третий год. Скоро уйду на этап больнички, а оттуда — вверх или вниз, узнаю потом. Скучно смотреть, как барак гниет. Приходит молодежь — сплошная плесень. Ни понятий, ни духа. Одни инстинкты. А в тебе стержень есть. Железный. Ты не сломаешься, я такие спины чую. Такие обычно либо петухами становятся от обиды на весь мир, либо в бетон превращаются. Хочу посмотреть, во что превратишься ты. Да и скучно одному теоремы доказывать. А ты собеседник интересный. Глядишь, табачком угостишь лишний раз.

Он толкнул Эльдара локтем в бок, пытаясь разрядить обстановку.

— Расслабься, инженер. Жить можно везде. Даже в выгребной яме, если знать, как плавать. Правило первое запомнил? Не высывайся. Правило второе: слушай, что говорят старые. Мы знаем, где мины лежат, мы их своими ногами щупали.

Правило третье...

Профессор замолчал, прислушиваясь. В коридоре раздались тяжелые шаги дежурного. Проверка. Обход секций.

Оба мгновенно замерли. Профессор ловким движением сунул остатки самокрутки обратно в тайник матраса. Эльдар натянул одеяло до самого носа, имитируя глубокий сон.

Сердце колотилось бешеным ритмом. Адреналин ударил в кровь.

Шаги остановились возле их секции. Луч фонарика мазнул по рядам коек, задержался на лице спящего напротив ээка и двинулся дальше. Скрип половиц удалился в сторону туалета.

Когда звуки стихли, Профессор выдохнул.

— ...Третье правило, — закончил он фразу шепотом, — всегда держи ноги в тепле, а голову в холоде. Особенно когда говоришь с такими, как я. Информация — это валюта. Сегодня я дал тебе кредит. Когда-нибудь придется отдавать. Может, куском хлеба. А может, жизнью. Такая бухгалтерия, сынок.

Эльдар повернулся на бок, лицом к стене. Бирка 704 больно вдавилась в грудь. Теперь он знал перевод этих цифр. Это был не номер отряда. Это был штрих-код товара, выставленного на аукцион. Шерсть хотела использовать его руки. Блатные будут оценивать его способность держать язык за зубами. А мужики... мужики будут ждать, станет ли он одной из них — покорной лошадыю — или попытается построить свою геометрию в этом кривом мире.

Сон пришел внезапно, тяжелый и черный, как мазут. Во сне Эльдар стоял посреди огромного цеха. Станки работали сами по себе, без людей. Шестеренки вращались, перемалывая чьи-то судьбы в серую пыль. А он, одетый в белый халат поверх робы, пытался остановить маховик голыми руками,

понимая, что если отпустит — механизм сойдет с рельсов и похоронит их всех под обломками бетона.

Глава 7. Визит Профессора.

День в седьмом отряде катился по накатанной колее, как ржавая вагонетка по разбитым рельсам. После ночной беседы с Профессором мир для Эльдара не стал проще — он просто обрел резкость, словно кто-то навел фокус на размытую фотографию. Теперь каждая деталь кричала о скрытой угрозе.

Эльдар старался соблюдать новое правило: «не высываться». На утренней проверке он стоял ровно, глядя перед собой стеклянными глазами. В столовой ел медленно, механически двигая челюстями, не пытаясь выскрести дно миски быстрее других. В швейном цеху он сел за свой оверлок и начал выдавать норму — те самые пресловутые двадцать процентов, которые делал старик с бельмом. Игла входила в грубую ткань брезента монотонно: *вжик-вжик... вжик-вжик*.

Это бездействие было тяжелее любой работы. Инженерный мозг требовал оптимизации. Рука сама тянулась проверить натяжение ремня, смазать втулку, которая начала едва слышно подсвистывать. Но Эльдар сжимал пальцы в кулак под столом. Он был солдатом, которому приказали окопаться и ждать, а его инстинкты требовали строить ДОТ.

После обеда, когда отряд вернулся в локальный участок на положенный час отдыха, напряжение начало спадать. Кто-то дремал на койках, кто-то играл в самодельные нарды из

кусков картона. Воздух дрожал от жары и запаха сушащихся портянок.

Профессор появился рядом бесшумно. Несмотря на прогрессирующую болезнь, которая сжигала его изнутри (кашель становился всё суше и кровавее), двигался старик с грацией хищника, экономящего силы перед последним прыжком. Он присел на корточки возле нижней шконки Эльдара, оперевшись спиной о железную стойку. Позвоночник у него хрустнул, как сухое дерево.

— Трудяга? — спросил он вместо приветствия, кивнув на руки Эльдара. Тот сидел и просто смотрел в одну точку на стене. Пальцы рук были сложены в сложный замок — привычка чертежника, успокаивающая нервную систему.

— Сохраняю ресурс, — тихо ответил Эльдар, не поворачивая головы.

— Мудро, — хмыкнул Профессор. — Ресурс здесь сгорит быстрее бензина в костре. Только знаешь, что я тебе скажу, архитектор... Слишком правильное поведение подозрительно не меньше, чем понты.

Эльдар наконец повернулся. Взгляд старика был тяжелым, изучающим. Единственный глаз смотрел не на лицо собеседника, а куда-то сквозь него, считывая микромоторику мышц.

— О чем ты?

— Ты сегодня весь день изображаешь ветошь, — Профессор достал помятую самокрутку, но не закурил, просто крутил ее в желтых пальцах. — Сидишь тише воды, ниже травы.

Норма выработки — курам на смех. Для новичка, который вчера показал зубы Аркадию и ум мастеру, это странно.

Он наклонился ближе. Запах от него шел специфический: смесь сухой земли, хлорки и того сладковатого металлического оттенка, который бывает у умирающих.

— В зоне тишина бывает двух видов, инженер. Тишина пустоты и тишина пружины. Если ты пустота — тебя сметут и не заметят. Если пружина — рано или поздно она распрямится и выбьет кому-нибудь глаз. Шерсть уже ставки делает, когда ты сорвешься. Они смотрят на твои руки. Руки рабочего человека всегда ищут работу. А твои сейчас лежат мертвым грузом. Это пугает их больше, чем если бы ты бежал с криками.

Эльдар молчал. Старик попал точно в цель. Его попытка мимикрировать под "мужика" выглядела фальшивкой именно потому, что была слишком выверенной. Человек системы пытался обмануть другую систему, используя логику первой. Но тюремный социум работал на рефлексах.

— Я пытаюсь понять правила, — сказал Эльдар.

— Правила нельзя понять головой, — отрезал Профессор. — Их можно только почувствовать печенкой. Вот смотри. Видишь Сулеймана? Бородатый черт. Он смотрит на тебя каждые пять минут. Почему?

Эльдар скосил глаза. Действительно, Сулейман, сидя на перевернутом ведре у входа в секцию, периодически бросал короткие взгляды в их сторону.

— Потому что я угрожал его статусу мастера машин...

— Брось, — махнул рукой Профессор. — Статус Сулеймана — это фикция. Какой он мастер? Он такой же зэк. Ему плевать на план Михалыча. Ему страшно другое. Сегодня ты решил работать плохо. Значит, ты играешь. Играешь либо под ментов (*на шерсть*), либо под братву (*на положение*).

Старик понизил голос до шепота:

— Если ты работаешь на шерсть, значит, ты стукач. Или скрытый активист. Который ждет момента, чтобы занять место завхоза. Тогда тебя нужно валить сейчас, пока ты не набрал силу. Если ты работаешь на положение — то есть хочешь примкнуть к блатным, показывая свою независимость — тебя тем более нужно давить, потому что свободные люди в системе опасны. Понимаешь дилемму? Твоя честность вчера и твоя пассивность сегодня создали вакуум интерпретации. И этот вакуум заполнится кровью, если ты его не заполнишь сам.

Эльдар почувствовал холод вдоль позвоночника. Он оказался между двух огней, причем оба огня горели невидимым пламенем. Любое действие вело к конфликту, но и отсутствие действия тоже было действием.

— Что мне делать? — впервые за долгое время вопрос прозвучал не как запрос информации, а как просьба о помощи.

Профессор усмехнулся краем рта. Улыбка сделала его лицо похожим на череп, туго обтянутый кожей.

— Делать надо так, чтобы все видели процесс, но никто не видел результата. Золотое правило теневой экономики. Пойдем.

Он тяжело поднялся, опираясь на колено. Ростом он был невелик, но вес имел значительный — кости, тяжелые от возраста и болезни. Они вышли из-под навеса барака на плац. Солнце жарило нещадно, отражаясь от бетонных плит.

Профессор остановился посреди двора, щурясь на свет.

— Видишь эту лужу? — он ткнул палкой, которую подобрал где-то по дороге, в огромную выбоину у стены, наполненную мутной водой. Ту самую, «Балатон».

— Вижу.

— Вчера Витя-Свист орал, что её надо засыпать. Гравий привезли еще утром. Лежит вон там, кучей. — Палка указала на гору серых камней у забора. — Мужики видят кучу, но не трогают. Ждут команды. Команда не идет, потому что Свит забыл. А забыть ему выгодно — если лужи нет, спросу нет. Работа сделана — докладывать опасно, могут новую дать.

Профессор подошел к куче гравия. Нагнулся, кряхтя, взял один камень. Покрутил в руках.

— Архитектура, говоришь? Давай проверим твою квалификацию. Не руками. Головой.

Он бросил камень обратно.

— Задача: сделать так, чтобы завтра этой лужи тут не было, гравий лежал на месте, мужики считали, что сработало начальство, а начальник считал, что сработали мужики. При

этом ни одна красная повязка не должна отдать прямого приказа. Твоя схема?

Эльдар замер. Это была классическая задача на оптимизацию процессов с ограниченными ресурсами и противоречивыми вводными данными. Чистая математика социальных связей.

Он осмотрелся. Оценил угол падения солнечных лучей, вязкость грязи вокруг лужи, расположение курилки, где обычно тусовалась «шерсть».

— Решение требует трех этапов, — ровным голосом начал Эльдар, входя в привычный режим проектирования. — Первое: создание видимости инициативы снизу. Второе: легализация через формальное нарушение. Третье: распределение ответственности.

— Интересно, — подбодрил Профессор, прикрывая единственный глаз от солнца. — Излагай.

— Этап первый, — продолжил Эльдар. — Нужен посредник. Не я. Меня считают опасным. Нужен человек, которого уважают мужики, но чье мнение игнорирует актив. Например, тот седой дядька с бельмом на глазу. Подойдет к нему Сулейман. Между делом скажет: «Чего сидим? Комаров кормим? Вон вода стоит, скоро вонища пойдет, дышать нечем будет». Дядька почешет репу и громко, чтоб слышали дневальные, вздохнет: «Да, непорядок. Хоть бы щебня кинули, да некому».

— Хорошо, — кивнул Профессор. — Создали обще-

ственное мнение. Дальше.

— Этап второй, — глаза Эльдара блеснули азартом аналитика. — Вечером, после проверки, когда основная масса спит, выходят двое. Тихо. Берут носилки. И начинают носить гравий. Но! Они носят его не в лужу. Они выкладывают узкую дорожку из камней прямо посередине плаца, от крыльца штаба до нашего барака. Ровную, красивую дорожку. Это бессмысленная работа. Она занимает два часа. Уставшие, они бросают оставшиеся носилки гравия... случайно, мимоходом, в ту самую лужу. Буквально три лопаты. И уходят спать.

Профессор слушал, подавшись вперед. Болезнь отступила на второй план, уступив место интеллектуальному удовольствию.

— Зачем дорожка? — прошептал он.

— Это крючок для Завхоза, — улыбнулся Эльдар. — Утром Витя-Свист выйдет на плац. Что он увидит? Во-первых, затоптанную, убитую грязью лужу, в которой чуть-чуть торчат камни — результат ночной робинзонады мужиков. Мелочь. А во-вторых — идеальную, прямую, сухую дорожку от штаба до отряда.

Эльдар щелкнул пальцами.

— Психология власти. Свиту наплевать на воду в яме. Но красивая дорожка — это порядок. Это красиво. Это видно Хозяину из окна. За такую инициативу хвалят. Он подойдет, потрогает камни ногой. Камни лежат плотно. Работа каче-

ственная.

— И он примет её на баланс, — закончил за него Профессор. Лицо старика озарилось искренним детским восторгом. — Ай да голова! Значит, он вызовет тех двоих, что ночью таскали. Обматерит для виду. Скажет: «Молодцы, черти, проявили сознательность!» И даст им лишнюю кружку чая из своего НЗ. Мужики получают поощрение. Лужа постепенно высохнет, утоптанная сапогами по новой тропинке. Начальник увидит сухие плиты. План выполнен. Конфликт исчерпан. Никто не потерял лица.

Они стояли посреди залитого солнцем плаца. Два антипода. Старый вор, всю жизнь отрицавший государство, и молодой инженер, пытавшийся подчинить хаос формулам. В этот момент они поняли друг друга идеально.

— Ты страшный человек, Инженер, — тихо сказал Профессор, возвращаясь в тень барака. — Очень страшный. Ты видишь людей не как врагов или друзей. Ты видишь их как переменные в уравнении. $\$X\$$ несет камни, $\$Y\$$ дает чай, $\$Z\$$ доволен порядком. С такими, как ты, система борется двумя способами. Первый — уничтожить. Второй — поставить на службу.

— Какую службу? — спросил Эльдар, хотя уже догадывался об ответе.

— Службу управления этим стадом, — жестко ответил старик. — Тебя купят. Либо кум предложит тебе должность мастера промки, отдельный кабинет и свидания. Что-

бы ты строил ему производство. Либо Братва предложит тебе смотреть за игрой или общим кошельком. Чтобы ты считал им доли. Им нужны твои мозги, инженер. А мозги в зоне стоят дороже мускулов. Мускулы быстро гниют. Мозги правят балом.

Вернувшись в секцию, они снова оказались под прицелом взглядов. Но теперь эти взгляды изменились. Если раньше в них читалось недоумение, то теперь — настороженное уважение. Профессор, старый авторитет, провел с новеньким почти полчаса на плацу. Это означало одно: парень прошел проверку. Он принят в круг «думающих».

Вечером, перед самым отбоем, когда Эльдар уже собирался ложиться, Профессор снова возник у его шконки. В руке он держал что-то маленькое, завернутое в чистую тряпицу.

— Держи, — протянул он сверток. — От себя. Долг платежом красен, а информация — информацией.

Эльдар развернул ткань. Внутри лежал кусок настоящего хозяйственного мыла, пачка дешевого чая «со слоном» и самое ценное — свежая белая тряпка.

— Бирка, — пояснил Профессор. — Твоя совсем затерлась, края черные. Замени. Белая бирка на чистой робе — это признак внутреннего порядка. В тюрьме внешний беспорядок прощают, внутренний — никогда. Человек с грязной биркой внутри себя уже сдался.

Эльдар взял тряпку. Пальцы ощутили плотность сурового хлопка.

— Спасибо, Василий Михайлович.

— Называй меня Профессор, — поправил старик. — Имя здесь оставляют только лучшим друзьям или покойникам. Я пока ни то, ни другое.

Он помолчал, собираясь с силами. Кашель снова подступил к горлу, но старик задавил его волевым усилием.

— И вот что я тебе скажу перед сном, тихушник. Опасность быть правильным заключается в том, что Правильность ослепляет. Ты думаешь, что если будешь следовать правилам — писаным или воровским — то останешься цел. Это иллюзия.

Его единственный глаз впился в глаза Эльдара.

— Правила пишут люди. А людям свойственно ошибаться или менять условия игры. Сегодня ты правильный мужик — пашешь и молчишь. Завтра хозяин сменится, и молчание станет признаком оппозиции. Послезавтра придут красные и скажут, что пахать должны все, включая блатных. Выживет не тот, кто знает правила. Выживет тот, кто понимает природу материала, из которого сделаны эти правила. Понял меня?

— Материал хрупкий, — ответил Эльдар, пришивая новую белую бирку поверх старой. — Легко ломается при изгибе. Нужно армирование.

— Именно, — кивнул Профессор. — Армирование связями. Один прут согнется. Сплети из десяти канат — выдержит любого слона. Только следи, чтобы в канате гнили не было. Одна паршивая нитка тянет вниз весь узел.

Он похлопал Эльдара по плечу и ушел в темноту прохода между коек.

Эльдар лег. Новая бирка приятно холодила грудь сквозь тонкую ткань. Чай и мыло он спрятал в матрас — это был неприкосновенный запас, валюта на случай войны.

Сон пришел быстро, глубокий и спокойный. Впервые за две недели ему ничего не снилось. Мозг отключился, перерабатывая полученную информацию.

Но даже во сне его пальцы продолжали бессознательно чертить в воздухе схемы взаимодействия шестеренок — человеческих душ, запертых в одном огромном, проржавевшем механизме колонии номер семнадцать.

Глава 8. Первый обыск (шмон).

Третий день в ИК-17 выдался на удивление тихим. После инцидента с машиной и последовавшей за ним лекции Профессора о структуре зоны, Эльдар нашел хрупкий баланс. Он больше не пытался чинить оборудование до блеска, но и не симулировал полную немоту. Его работа стала «чистовой» — ровно столько стежков, сколько нужно, чтобы игла не рвала нить, ровно столько гравия, чтобы лужа не превратилась в болото. Он стал невидимым.

Но тюрьма — это замкнутая экосистема, где затишье всегда предвещает бурю. Буря пришла во вторник после обеда.

Сигнал был подан не сиреной, а звуком. Резким, металлическим лязгом засовов локального участка, которые закрылись наглухо, отрезая двор от барака. Затем раздался звук, который заставил каждого зэка инстинктивно замереть — тяжелый топот десятков берцов по асфальту, отличающийся от шарканья баландеров или ленивой походки актива. Это шел *режим*. Спецназ колонии, отряд специального назначения, используемый для массовых шмонов.

— Атас! Режимняк летит! — крикнул дежурный по секции, вбегая внутрь. Лицо его было белым.

Внутри барака началось хаотичное движение, которое со стороны могло показаться паникой, но на деле являлось отработанным ритуалом уничтожения улики.

Эльдар сидел на своей нижней шконке. В отличие от остальных, он не метнулся прятать вещи. Инженерный мозг мгновенно просчитал ситуацию: если идет спецназ, времени спрятать что-либо серьезное нет. Обычные нычки в матрасах или ножках кроватей вскрываются опытными кинологами и бойцами за секунды. Единственное спасение — абсолютная чистота.

Дверь секции с грохотом распахнулась. Первым вошел не боец, а человек в гражданском, надетом поверх формы — майор Рогов. За его спиной маячили две массивные фигуры в черной штурмовой экипировке, шлемах-сферах и с резиновыми дубинками. Воздух мгновенно наполнился запахом пота, оружейной смазки и агрессии.

Рогов прошелся вдоль коек, заложив руки за спину. На его дорогом костюме не было ни складочки. Он выглядел как инопланетянин, случайно попавший в преисподнюю.

— Отряд, внимание! — голос Рогова звучал тихо, почти ласково, и именно эта ласковость пугала больше крика. — Проводится плановый контрольно-технический осмотр помещений. Цель: изъятие запрещенных предметов. Желющие облегчить себе жизнь могут добровольно сдать колюще-режущее, средства связи и спиртное прямо сейчас. Обещаю рапорт о вашем примерном поведении.

Никто не шевельнулся. Тишина стала такой плотной, что было слышно, как жужжит муха, бьющаяся об лампочку под потолком.

— Я так и думал, — улыбнулся Рогов. — Тогда начнем физкультуру. Бойцы!

Это слово прозвучало как выстрел.

Черные фигуры пришли в движение. Это был не человеческий бег, а механический танец разрушения. Они двигались синхронно, разделившись на тройки.

Первая группа рванула к ближайшей койке.

Эльдар наблюдал за этим, оставаясь неподвижным. То, что происходило, было актом чистого вандализма, замаскированным под правопорядок. Тюрьма жила по законам дефицита, и администрация знала: лишить человека имущества — значит лишить его воли.

Боец схватился за край полосатого матраса лежащего сверху зэка. Резкое движение — и матрас полетел на пол. Из него вырвалось облако желтоватой пыли и свалявшейся ваты. Следующий удар тяжелого ботинка пришелся точно в центр ватного пласта. Раздался влажный хруст. Боец начал методично «месить» матрас, превращая нутро постели в однородную серую массу. Одеяло постигла та же участь — его разорвали пополам одним движением сильных рук.

Параллельно шла работа второй группы. Они работали с металлом. Двое бойцов взяли железную двухъярусную кровать за стойки. С видимым усилием, напрягая мышцы спины, они начали сгибать конструкцию. Железо протестующе застонало. Верхний ярус со скрежетом перекосило, сварные швы затрещали. Сделать такую «перекладину» — классиче-

ский прием режима. Спать на этой кровати сегодня будет невозможно, она станет просто грудой металлолома.

— Что вы делаете?! — выкрикнул молодой парень, хозяин койки. — Это же государственная собственность! Вы порти-те...

Удар дубинкой плашмя пришелся ему по плечу. Не сильный, но оглушающий. Парень осел на корточки, скукожившись.

— Жаловаться будешь прокурору, сынок, — спокойно сказал Рогов, делая шаг вперед. — Если доживешь.

Его взгляд скользнул по проходу и остановился на Эльдаре. Майор подошел к его шконке. Наклонился. Их лица оказались на одном уровне.

— Семьсот четвертый, — прочитал Рогов вслух. — Инженер. Как там наша стройка? Фундаменты заливаем?

Эльдар молчал. Он смотрел чуть выше правого уха майора. Правило контакта: не встречаться взглядом с хищником, но показывать готовность.

— Чистенький какой, — протянул Рогов, проводя пальцем по краю белой бирки на груди Эльдара. — Бирочка свежая. Порядок любит. Похвально. Наверное, и вещички твои в порядке?

Он щелкнул пальцами. Один из бойцов тут же оказался рядом.

— Этого проверить лично. Глубоко.

Спецназовец навис над Эльдаром. Огромный, пахнущий

агрессией. Он не стал тратить время на вежливость.

— К стене. Ноги шире.

Эльдар выполнил команду. Упереться руками в стену означало открыть спину. Закрыть спину — проявить неповиновение. Он выбрал третий вариант: остался стоять лицом к бойцу, глядя ему в переносицу.

— Лицом к стене, я сказал! — рывкнул боец, замахиваясь дубинкой.

— Осужденный семьсот четыре выполняет законное требование сотрудника, находясь в положении смиренно, согласно статье... — начал монотонно цитировать Эльдар устав, но закончить не успел.

Кулак в тактической перчатке врезался ему в солнечное сплетение.

Воздух вылетел из легких с хрипом. Легкие склеились. Мир сузился до одной точки боли в центре груди. Колени подогнулись, но Эльдар не упал — сзади стояла батарея отопления, которая удержала его тело. Он сполз по ней, хватая ртом пустоту.

— Вот так-то лучше, — услышал он голос Рогова сквозь звон в ушах. — Теперь посмотрим твой скарб.

Боец перевернул Эльдара ногой, как мешок с картошкой. Тот рухнул на холодный бетон. Начался личный досмотр.

Это не было похоже на процедуру в карантине. Там искали запрещенное. Здесь искали уязвимое.

Пальцы в перчатках прошлись по швам робы с силой, спо-

собной содрать кожу. Нагрудные карманы были вывернуты наружу вместе с тканью.

Затем очередь дошла до матраса.

Эльдар следил за происходящим единственным глазом, который мог открыть. Матрасник подняли. Боец занес ногу для удара, чтобы пробить вату, как это делали с другими.

— Стой, — внезапно сказал Рогов.

Нога зависла в воздухе.

— Оставь. Видишь шов? — майор присел на корточки и указал на идеально ровную, аккуратную штопку на углу матрасника. — Это ручная работа. Профессиональная. Наш инженер экономит нитки. Или прячет их внутри. Распори.

Сердце Эльдара пропустило удар. Внутри, в самом сердце ватного пласта, завернутые в промасленную бумагу, лежали три предмета его контрабанды: обломок трехгранного напильника («писало» для работы с металлом), крошечное зеркальце и тот самый огрызок карандаша. Он спрятал их туда еще в СИЗО, рассчитывая на лень обычных контролеров. Но режимники вспарывали всё.

Боец достал нож. Лезвие вошло в ткань легко. Послышался треск разрезаемых внутренних ниток. Ватин полез наружу клочьями.

Когда лезвие добралось до центра свертка, оно звякнуло обо что-то твердое.

— Есть контакт, — удовлетворенно кивнул Рогов.

Боец извлек пакетик. Развернул. Положил на ладонь май-

ору.

Напильник. Зеркало. Карандаш.

Для обычного зэка это был мусор. Для администрации — арсенал побега и средств связи (на зеркале можно пускать зайчиков, карандаш — писать жалобы мимо цензуры).

Рогов взял напильник. Поднес к свету лампы.

— Гляди-ка, — обратился он к Эльдару, хотя тот все еще лежал на полу, пытаясь восстановить дыхание. — Три грани. Специальная сталь. Таким замки пилить — одно удовольствие. А ты мне про фундаменты рассказывал. Ай-яй-яй, гражданин хороший. Двойная жизнь.

Майор поднялся и перешел к соседней койке — койке Профессора. Василий Михайлович сидел на корточках у стены, держась за грудь, и тяжело дышал. Его матрас даже не тронули. Зачем? Старик уже никуда не денется.

Рогов бесцеремонно поднял подушку старика. Достал оттуда тряпичный узелок. Внутри была горсть сахара, аккуратно завернутая в бумажку, и кусок мыла.

— Сахарок прячем? — усмехнулся Рогов. — Запрещено. Идет как сырье для браги. Мыло тоже лишнее. Передавать нельзя. Конфискация.

Он демонстративно бросил сахар на пол и растоптал тяжелым ботинком. Белый песок захрустел под подошвой.

Для Профессора этот кулек значил больше, чем ужин на неделю. Это был его последний капитал, его связь с волей. Эльдар увидел, как единственный глаз старика на мгновение

закрылся. Не от страха. От бессильной ярости.

— Ну что, Инженер, — Рогов вернулся к Эльдару, переступив через рассыпанный сахар. — Собирался бежать? Или кастет решил организовать? Напильник — это холодно. Плюс два года к сроку минимум. Если прокурор захочет.

Он наклонился к самому лицу лежащего Эльдара. От него пахло кофе и ментолом.

— Знаешь, почему я тебя не отправлю в ШИЗО сразу? Потому что ты умный. Умных выгоднее ломать медленно. Мы вернем тебе эти игрушки. Через месяц. Когда ты забудешь, как держать их в руках. Будешь каждый день ходить в оперчасть и просить вернуть твою собственность. Будешь унижаться. Писать объяснительные. Ты любишь схемы, архитектор? Нарисуй мне схему своего падения. Мне интересно посмотреть, как быстро стержень превращается в соплю.

Он выпрямился. Сунул напильник и зеркало в карман своего гражданского пиджака. Карандаш небрежно сломал двумя пальцами и бросил на затоптанный пол.

— Всё это, — он обвел рукой разгромленный барак, перекошенные кровати, порванные матрасы, — называется воспитательной работой. Мы учим вас любить порядок.

Рогов направился к выходу. Черные фигуры расступились перед ним, образовав живой коридор.

— До встречи в цеху, семьсот четвертый, — бросил он через плечо. — Жду чертежи фундамента нового склада. Толь-

ко теперь без самостоятельности. Работать будете строго по ГОСТу моего настроения.

Дверь захлопнулась. Щелкнули внешние засовы локалки.

Тишина, наступившая после ухода режима, была иной. Она звенела от ненависти и отчаяния.

Барак напоминал поле битвы. Повсюду валялись куски ваты, разорванные книги, разбитые кружки. Кто-то плакал в голос — у молодого парня нашли спрятанную фотографию жены, которую порвали в клочья прямо у него на глазах. Седой дядька с бельмом собирал с пола свой растоптанный сахар, дрожащими пальцами пытаясь очистить его от грязи и шерсти, чтобы положить обратно в рот.

Эльдар лежал на бетоне. Боль в солнечном сплетении начала отступать, сменяясь тупым, пульсирующим жаром. Он повернул голову. Рядом с его губами лежал обломок карандаша — маленький кусочек желтого дерева с графитовым сердечником. Символ контроля. Символ мысли.

Медленно, стараясь не делать резких движений, Эльдар подтянул руку. Пальцы коснулись графита. Он зажал обломок в кулаке. Графит больно впился в кожу, но это была живая боль. Честная.

Профессор доковылял до него. Опустился на колени. Его лицо было серым.

— Забрали? — спросил он, зная ответ.

— Почти всё, — прохрипел Эльдар. — Кроме этого.

Он разжал кулак, показывая карандашный огрызок раз-

мером с фалангу пальца.

Старик посмотрел на деревяшку. Потом перевел взгляд на разрушенную койку, на перекрученный металл, на плачущих людей.

— Сегодня ты понял главное правило, Инженер, — тихо сказал Профессор, осторожно поднимая обломок карандаша с пола и вкладывая его обратно в руку Эльдара. — Администрация не боится твоих костей. Кости ломаются. Администрация не боится твоей злобы. Злоба выгорает.

Он накрыл пальцы Эльдара своими сухими, горячими ладонями, закрывая осколок карандаша.

— Они боятся того, что между костями и злобой. Мозга. Пока у тебя есть вот это, — он постучал сухим пальцем по лбу Эльдара, — ты опасен. А раз ты опасен, они будут приходить снова. И снова. Пока не заберут и это. Вопрос только в том, отдашь ли ты им свои мозги добровольно, начав сотрудничать, или разобьешь их о стену камеры, сойдя с ума. Третьего не дано.

Где-то в глубине отряда послышался глухой удар — кто-то из зэков, не выдержав вида своего уничтоженного жилища, бросился на решетку двери с кулаками. Тут же раздался истошный вопль дневального: «Мусора возвращаются!».

Паника вспыхнула с новой силой. Люди забегали, пытаясь хоть как-то прикрыть наготу своих коек одеялами.

Эльдар встал. Ноги слушались плохо. Он подошел к своей кровати. Металл был погнут так, что лечь на нее было

невозможно. Он сел на бетонный пол, прислонившись спиной к холодной стойке. Сунул обломок карандаша за щеку — самое надежное место, куда охрана редко лезет при поверхностном осмотре.

Привкус графита смешался с кровью из прокушенной губы. Психологическое давление сработало. Ему показали его место. Место детали, которую можно согнуть, сжечь или выбросить.

Но деталь, однажды принявшая форму, сохраняет память о ней. Даже если её переплавят.

Глава 9. Баня.

Суббота в ИК-17 была днем воды. Для администрации это означало смену постельного белья и профилактическую дезинфекцию барачков. Для заключенных суббота означала баню — единственный час в неделю, когда можно было попытаться смыть с себя не только въевшуюся грязь промзоны, но и липкий страх последних дней.

После визита «режима» атмосфера в седьмом отряде напоминала затишье перед ураганом. Разгромленные койки так и стояли перекошенными памятниками произволу. Эльдар провел ночь на полу, подстелив под спину остатки своего изрезанного матраса. Обломок карандаша он теперь хранил во рту постоянно, перекатывая его языком за щекой — единственное оружие мысли, которое Рогов забыл или поленился искать по-настоящему.

Утренний развод прошел в молчании. Даже Витя-Свист сегодня не орал свои обычные оскорбления, понимая, что черта перейдена. Отряд двигался к бане как похоронная процессия: шарканье ботинок, запах сырого сукна и общее ощущение уязвимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.